

Расшифровка интервью

Дата: 25.05.2018

00:00:02

Мама родилась в Заозерье, такая есть деревня, Заозерье. Об этом я узнала прямо от старшей сестры буквально перед ее смертью, она болела лежала, я у нее [спрашиваю]: «Ты хоть расскажи мне про маму». А папа жил в деревне Нижние, в той же Вологодской области, Кадуйский район. Они потом познакомились, поженились, но у мамы папа был кузнецом, а в то время кузнец считался таким очень... потребной специальностью, и он много зарабатывал, конечно. И он ей на свадьбу всё-таки построил дом. Дом приличный, видимо, был в деревне. Вот, мне кажется, из-за этого дома, наверное, что-нибудь... Пальцем показывали все, что вот. Но мама была очень хозяй[ственная]. Они потом поженились и переехала в Нижний [Нижние?]. Потом в Кадуе они жили, но это я не могу сказать, это сестра говорит, а так знаю, что они жили в Нижнем. В 1920 году... Да, мама с 1894 года, а папа с 1895 года, помоложе на год. И в 1920 году родилась у них дочка первая, Нина. Нина родилась, потом через два года родилась Вера, еще через два года родился Вова. Это уже 1925 год был. Еще через два года, в 1927 году, родился Слава. Вот четверо детей было. Мама была очень хозяйственная, но ей завидовали, чувствуется, и завидовала особенно папина сестра старшая. Даже говорили, что она пальцем на нее показала, потому что у них не было никаких ни коров, ни полей ровных. Мама занималась детьми, вышивала, шила, вязала. Я не посмотрела, у меня такой кусочек отделки на полотенце есть — память от нее. Найду если, то покажу, забыла посмотреть. А папа, папа, конечно, был очень умный, он в свое время служил в царской армии, как положено, и он, видимо, выучился на бухгалтера и работал, эту специальность он не оставлял. Он везде подрабатывал. И вот когда они уже, дети стали появляться, он ездил в геологоразведку и там нанимался бухгалтером. И почти всегда отсутствовал. Привозил деньги. А мама хозяйничала. И говорила вот эта сестренка, что даже, говорит, угощала ребятшек уличных, приглашала, угощала, видимо, и достаток был. Но если человек работает... Вот я сейчас по своим детям знаю, какие дети у меня, все говорят, работы нет, дел никаких нет, ничего. А мои дети говорят, просто люди не хотят работать. Вот честное слово. У меня дочери, сыну 55 будет, а дочери 53, и они всегда утверждают: «Мама, люди просто не хотят работать». Поэтому, видимо, бабушку что ли, я сама такая же, трудяга до сих пор, тружусь. И вот когда случилась революция, революция в 1918-м случилась, в 1917-м, каком? В 1917-м? И сначала ведь были репрессии. Что такое репрессии? Это наказание без суда, без следствия, без причины без всякой наказания, всё. И начались эти репрессии в результате революции, когда весь строй стал рушиться, особенно стала рушиться основа, а основа была — это сельское хозяйство, деревня. В деревнях люди работали огромными семьями на своих полях там, кто чего. И детей было много, потому что работники нужны были. И вот репрессии докатились до деревни уже как бы позднее, позднее. И вот в 1929 году, там в книжке, по-моему, я сейчас не помню, в 1929 году докатилось до их деревни. Папы дома не было, он был на заработках, и пришли к маме и говорят: «Мы вас арестовываем». Они отобрали все вещи, выгнали всех нас из... Мама была, у нее четверо детей, я вам объясняла, кстати, еще была беременная, как потом оказалось, двойней. И вот они ее выгнали из этого дома. Сестра говорила, в какой-то сарай. Она здесь не написала, она так мне говорила. Всё отобрали и на другой день на улице продавали их вещи, нашими платочками трясли, всё продавали. Пропивали, наверное. И они поехали в Череповец к брату. Братья, было, по-моему, два брата, что ли, два брата, сестры были, да, две сестры, наверное, две или три сестры и два брата. Для меня это, конечно, не точные уже сведения. То, что вот сестра [нрзб], которая в Антропшино жила под Ленинградом, мы ее видели, знали, она прожила 95 лет, и я ее застала. Что брат у нее был, тоже с нами приезжал, Андрей, да, Андрей, тоже с нами туда, не с нами, а вместе с ними везли их. Папа приехал, папа приехал, но он был очень грамотный, бухгалтер-бухгалтером, а он был очень грамотным, как юрист. И он стал хлопотать, и он отхлопотал маму, отхлопотал, что ни в чем не виновата, и дом вернули. Они вернулись в дом, в котором ничего не было, пустой дом был, и они вернулись в этот дом. Папа опять на заработки уехал. Потом пошла вторая волна. Когда пошла вторая волна, безоговорочно, даже и мысли не было кого-то искать, вот пожалуйста, уже есть человек, их уже забрали. Мама написала папе, что да, идет вторая волна, всё. Папа ей написал, что «давай забирай детей, приезжай ко мне». А он где-то на Онеге, Онежское озеро, там где-то была геологоразведка, он туда ездил работать, и она уже собралась к нему ехать. А поскольку в школе были, там бабушка у них была, ее мама была, ее бабушка, мамина, была, там старики-то жили, и деревня Уйта, деревня еще, то есть в разных деревнях, в одних деревнях была школа, в другой не было. И девочки учились в той школе, где бабушка жила, а где мама жила, там школы не было. И мама приехала к бабушке, забрать детей и уехать к папе. И только она приехала, пошла в дом, успела только стакан молока выпить — и в это время зашли эти вот полицаи и арестовали ее, и посадили, подогнали две подводы, на одну подводу посадили бабушку с дедушкой, еще были бабушка с дедушкой, и прабабушку, а на вторую ее с детьми посадили и повезли опять в Череповец. А там формировались эти вот вагоны, поезда. Там, говорит, было... Это, говорит,

было что-то, что-то было, это не их отдельно повезли, нет, там целые составы формировались, огромные, несколько вагонов. И там наскоро были сколочены нары в этих вагонах, телячьи вагоны, можно сказать, скотские вагоны. Нары были по бокам справа, слева, а впереди был проход. Ни окон, можно сказать, ни дверей там.

00:08:40

А как они объяснили маме, что происходит? Ведь она же ничего не сделала, получается.

Дом, наверное, хороший был, я так думаю. Это я думаю так. А так пальцем показали, пальцем: вот это она, ну враг народа. Ну, кто у нас враг народа? Все боялись, понимаете? Боялись все. И каждый, чтобы самому не схлопотать вот это всё, показывал на другого. Вот даже в этих делах, которые открываются, в архивах, там такая нелепость, пишут такую нелепость. Чем объяснили? Да ничем, кулак, да и всё. Кулак. Они раскулачены. Кулак. Кулацкая семья. Живет хорошо кулацкая семья. Я так полагаю. Вот я вам документ покажу, в котором написано. Ну, мне дали документ, [нрзб] меня реабилитировали и папу тоже. На папу дали документ, не на маму уже, а на папу. И эти вагоны сформировали и покатали их в Сибирь. Вагонов было очень много, и поездов было много. У меня даже такое стихотворение есть: «Остановки были в глухомани. Выводя на улицу людей, потихоньку трупы убирали с криками “Быстрее, быстрее, быстрее!” Дорога. Штрихпунктирная дорога из детских трупики и трупов стариков. Она на карте есть, на карте мира, как память ада в наш XX век». Их везли этой дорогой, везли, привезли их туда, в Забайкалье. В Забайкалье привезли. Тогда Забайкальская область у нас была, сейчас Амурская область считается. И какие там были ситцевые палатки, а это был апрель месяц, но в апреле здесь может быть тепло, а там Сибирь, это еще ой-ой-ой как холодно. И поселили их в эти палатки ситцевые. А потом раздобыли где-то инструмент и заставили их землянки, строить землянки. Они строили землянки. А такие землянки, что дыры кругом сплошные. Сверху дождь пойдет — всё течет через это. В дыру даже руку можно было просунуть. И вот они жили. Потом тиф начался, тиф начался, представляете? Тиф. Детей отобрали. Отобрали детей и отдельный барак там сделали, в отдельном бараке детей собрали, до пяти лет детей, которые были. Маленькие, там у них четыре года было младшему брату, вот он с мамой оставался. И мама, в общем, тут родила, конечно, она была беременна, на седьмом месяце, ну а что тут? И родила она двоих. Они родились живые, но мальчик очень быстро умер, а потом и девочка умерла, потому что есть нечего было, ничего не давали, молока не разрешали нигде брать. Нигде не брали. А у нее еще, наверное, молока не было. В общем, эти дети погибли, двое детей, братик, мой брат и сестра, они погибли, умерли. И прошло какое-то время, я не знаю, конечно, но к зиме ближе. Это летом было. К зиме ближе их стали распределять по разным... Там не деревни, а там прииски, это золотодобывающее, это не золотодобывающее, а это добывающая часть страны нашей, где и руда, и золото, и алмазы, всё в тех краях. И там эти все жилые поселки, они называются приисками. Вот их стали по приискам распределять, и недалеко от Соловьевска, в котором потом жили мы, им там дали какое-то место. Потом их переселили в Соловьевск и их от охраны освободили, а так они под охраной были там. И за водой под охраной ходили. Мама заболела тоже тифом, потом заболела и сестра старшая тифом. Никого никуда ни к кому не подпускали.

00:13:22

А больницы, врачи какие-то там были?

Ну, какие-то, были, наверное, что сейчас говорить об этом? Это было наспех сколоченное поселение в тайге, прямо в тайге, там где этих... Не то что один комарик залетел, а там болотистые места, тайга болотистая, и этих комаров... Вот я помню, ходили мы за ягодами, и у впереди себя идущего белый платок казался черным, потому что сплошь был покрыт вот этими комарами. Там тяжелое это было. Изъедали прямо. Ну, наверное, были, может, какие-то санитары. Но по 30 человек, вот в этом вот скопище, которое они туда привезли и заполнили часть вот этой тайги, по 30 человек каждый день хоронили. Без гробов, без всего, по 30 человек. Как они все не умерли, я не знаю, но выжили как-то.

00:14:26

А сколько всего человек из деревни было вывезено?

Ну, это я не могу сказать.

00:14:30

Вся деревня или половина?

Нет, нет, нет.

00:14:33

Кто-то остался же?

Вся деревня нет, но, как сказать, мои домыслы, что 30 процентов, наверное, надо было выполнить и перевыполнить. Но это я... Домыслы, я не могу этого сказать.

00:14:52

А какой-то суд или что-то еще было?

Ничего, никаких судов не было, нет. И вот мама написала папе, видимо, и можно было написать, да, про папу. И папа опять приехал, опять ее отхлопотал, папа-то опять отхлопотал ее: никакой вины нет. И приехал за ней. И его тут же арестовали, тут же арестовали, посадили в каталажку до разбирательства. И в это время привезли другого, папиного брата привезли тоже оттуда же. Но тот был, по-моему, сам, что ли, приехал он или не знаю, как-то не был он, под ружье-то его не брали. И он даже где-то работал на складах, потому что эти вот хохлы, которые приезжали, украинцы, они с собой огромное количество вещей везли, ковры везли и надо было где-то их кому-то охранять. И он охранником там работал. И он потихоньку помогал, чтобы этих детей подкормить, но ничего не получилось. И благодаря ему папе даже разрешали навещать семью, пока он в каталажке был. Ну а что каталажка-то? Вот семья, а в соседней комнате каталажка. Вот он в каталажке, не давали ни глядеть, ни разговаривать, ничего. И вот благодаря только этому дядьке моему, он как-то договорился вроде, разрешали повидаться. Ну всё, папа, конечно, обратно никуда не поехал, он остался с семьей. Как папа?.. Золотой человек папа у нас. Он с ними остался. И вот когда прошло, в 1930 году, по-моему, им уже разрешили жить в Соловьевске, уже охрану сняли. Так, говорит, ревели, не могли нарветься от радости. И стали там жить. Потом давали возможность участки построить, давали участки там, и возможность была построить. Там тайга, лес, бери да строй. Ну, я так говорю, а там не знаю, как всё это было. Но я тогда родилась уже в этом домике, который они построили. И вот после этого, это был 1930 год, в 1933 году родилась еще одна сестренка, в 1935-м еще одна, она живая сейчас еще, во Владимире живет, нас двое осталось. И в 1937-м я родилась. Я родилась. Старший брат Владимир, про которого статья есть тоже, он...

00:17:42

Да, потом опять беда, война пришла. Пришла война, новая беда. Люди обживались, потихоньку обживались, но они все были невыездные. Ни документов, ничего не было, все были... Как спецпереселенцы нас называли, спецпереселенцы. Так весь этот прииск был сплошной спецпереселенцев, там коренных жителей — раз-два и обчелся, поэтому такой ненависти к тебе или предвзятости какой-то особо-то мы не чувствовали. Кто приезжал, если кто-то просто так приезжал сюда жить, они, да, так начинали вроде со временем глядеть на тебя. А так такие там... Кого там только не было. Такие славные люди были, ученые, грамотные, инженеры. Ну, где еще... Я даже написала, такая фраза, но я не буду сейчас вспоминать. Забыла, вспомню, скажу. А, «ну где еще такое братство встретишь величественных русских мужиков». Такая была там... И они дружили, все дружили, я помню, папа дружил, друзья были у него. Папа вообще добрый был. Опять бухгалтером стал работать на этом прииске, как-то надо было семьи содержать. Еще дети рождались, представляете? Но мама уже начинала болеть, у нее был рак. Она ходила-ходила по больницам, а ей всё: «А чего ты ходишь? Нет у тебя ничего». И проглядели ее. И мне было уже 4 года, ее повезли в Читку операцию делать, но операция уже не помогла, и через полгода она умерла, мама. А это уже война началась, это был 1942 год. А брат старший у меня в 1941 году закончил 9 классов, в 1941 году, да, 9 классов закончил, и когда началась война, забрали всех учителей, почти всех, некому было преподавать там. А он такой высокий, высокий у нас, такой громоздкий дядька. Умный парень был. И его... К нему обратились, говорят: «Не хочешь? Давай-ка ты работать иди к нам, в школу-то. Черчение преподавать, рисование хотя б преподавать там, еще, может, что придется. И будешь в 10-м классе учиться». И они его оформили как работника, и он учился и работал, представляете? И вот в 1942 году ему исполнилось 17 лет. Это был октябрь месяц. А у меня... У мамы была очень хорошая одна подруга. Я всё ходила... Ходили мы в баню, я всё к этой подружке, к этой тетеньке заходила, и она мне подарила полотенце. Вот, помню, тогда мне кажется, что оно такое длинное было и узенькое. И вот я этим всё полотенцем горди[лась], белая ткань какая-то, плотная такая тряпица. Я всё гордилась этим подарком. И, значит, в 1942-м году его не... Осенний призыв — его забрали, он рожденный в мае, и вот его забрали в осенний призыв. А сначала мама умерла. В октябре мама умерла. И вот остались мы: мне 5 лет, сестре 7 лет, 9 лет, брату младшему 15 лет, вот этому старшему 17 лет, девочкам 19 и 21, по-моему. У них уже было, у этих двоих было трое детей, а мужья были бесконечно в армии. Взяли в армию — и бесконечно. Они так и не вернулись даже. И вот мама умирает, остается нас семь человек детей и трое внуков. Десять человек детей с папой остается. И вот этого работника нашего Володю забирают на фронт, японский фронт. И вот это полотенце у меня забрали ему на портянки, как сейчас помню, на портянки, положили ему в мешок на портянки. Настолько запомнилось, в память врезалось. Это есть вот эта фотография, маму хороним, но я

совершенно... Такая маленькая, не знаю даже, она, может, у меня, может, у дочери я видела. И вот папа остается с нами, 11, 7, 3, 10 [человек], один уехал, 9 [человек]. Семь да три, 10, 9 человек, 9 детей. А что девчонки-то? Одной 20... Если с 1920-го, в 1942 году 22 года, а второй 20, тоже девчонки.

00:22:46

А папу на войну не забрали?

Нет, папу не забрали. С такой семьей, наверное, нельзя было брать, куда детей-то? С ума можно сойти, если бы еще детей забрали. Тогда, если б его забрали, то детей бы отдали, наверное, в этот детдом. А может быть, из-за этой репрессии не забрали, этого я не могу сказать.

00:23:12

А только дом изъяти и вещи, которые были, больше ничего не было, да? Никакого имущества?

Ничего не было, не было. Никаких коней, коров. Ну, может, корова была, я не знаю, может быть. Детей-то надо было чем-то кормить. Может быть. Что такого-то? Тогда все вкалывали как будь здоров. Я здесь нашла одну землячку по родителям из Вологодской области. Представляете? Здесь, в Нижнем, встретила. А их изгнали в Воркуту. Их сначала в Карелию, а потом, когда Карелию немцы забрали, они их перетащили в Воркуту. А мы как раз и земляки, наши родители были. Кого куда, кому как повезло. И тоже такая же семья огромная, и тоже ничего не было. Только мы работали на огороде и работали. У нас всё росло, всё цвело, всё кипело. Вот этих работяг, работяг и забирали, хороших людей. Только... А кто, кто исполнители-то были? Исполнители-то были пьянчужки. Пьянчужки. Им только скажи кого, они с удовольствием тебе найдут человека.

00:24:26

То есть вы даже этих людей знали, это не какие-то приезжие были?

Нет, нет.

00:24:31

Свои же?

Так я говорю, что тетка, если показала тетка. А вообще рассказывали, что показывали пальцем прямо этих вот провокаторов, или как их там назвать, доносчиков. Было сплошь и рядом. Об этом все говорят, те старожилы все говорят. Доносчик. Чтобы тебя не взяли. Чтобы тебя не взяли.

00:24:53

Как они потом жили со своей совестью?

Так и жили. Так и жили.

00:24:59

А вы потом встречались с теткой со своей?

С теткой я встречалась, да. Она жила в Антропшино, у нее есть дет[и], братья, сестры, брат. Я ездила к ним, встречались. Мы: «Тетя-тетя-тетя...» Как она плакала! Она так много рассказывала, а я ничего не понимала, что она рассказывала, что с ней всё. Вот если бы она мне сейчас рассказывала, я бы, конечно, даже записала бы, а тогда я ничего не понимала. Вот она мне говорит и плачет, говорит и плачет. Мама... Тетя Пала, она Паля маму она называла. Где-то у меня даже лоскуточек письма есть, такой вот старенький. Это вот тетя Пала маме писала письма, вот такой вот. Тоже где-то хранится.

00:25:38

Ей потом совестно было, она признала свою вину спустя время?

Это другая. Это мамина сестра. Это показала пальцем папина сестра, папина.

00:25:47

А с папиной с сестрой не встречались потом?

Встречались. Но она так нехотя, нехотя. Ну нет, я не к ней приезжала, а к ее дочери, к сестре своей, а она жила с ней, так что куда было деваться? Она даже как-то сделала вид, что она нейтральный человек, не признавала. Не признавала, в общем, не признавала.

00:26:10

А в деревне ваша семья считалась зажиточной до раскулачивания?

Я не хочу сказать, что зажиточная, она была очень трудолюбивая. Только это я знаю. Папа трудился, и мама трудилась. Ведь столько детей, всех обшивала вплоть... И пальто, и трусики, и всё-всё-всё. И шила, и вышивала, и там ткацкие станочки у всех были. Я когда стала писать статьи, узнала, что ткацкие станочки — это даже не зажиточность, это как необходимость святая была. И ткала. И какой-то еще долго у нас хранился кусок скатерти, как они чего привезли, я не знаю, но у меня только вот... А вот этот кусочек кружева, это я вам говорила, это ей дали, сестра ездила, когда в Ленинграде еще... Родственник, тетя Пала-то под Ленинградом живет. Дали вот этот кусочек и рассказывали, что у мамы всё-таки золото было, папа покупал ей золотые украшения. И она кому-то оставляла, нам ничего не дали. И мы про это и не говорим. Не видели. И мама умирает в 1942 году, это было ей 42 и 6, 48 лет. Я до сих пор какая-то прям сирота. А папа умер, мне 20 лет было. Папа тоже не выдержал такой жизни, но он нас всех выучил, всех. Вот я последней уезжала из дома, он мне сказал: «Куда хочешь, туда тебя отправлю, хоть за границу поезжай, куда скажешь». Ну, за границу тогда мы не ездили, и я вот с такого-то края в Иваново поперлась, город невест надо было мне, город невест. Я про женихов не думала, я думала про специальность. Одна у нас старшекласница, старше меня, в Москву поступила в текстильный, на какой факультет, не знаю сейчас даже, может, на ткачество. И надо было по текстилю идти, а я когда приехала в Иваново, там целый двор девчонок, они уезжали на сельхозработы. Я поинтересовалась, говорю: «Как мне лучше, на какой факультет, чтобы проходной балл получить, всё?» Они: «Ой, на текстиль не ходите, там глухо. А вот на механический факультет... И я на механический факультет, энерго, так и выучилась».

00:29:06

По образованию механик, получается?

Нет, у меня нет. Они там переименовали потом — промтеплоэнергетик. [После монтажа] Единственное спасение было — это братья-сестры. Мы очень дружны были. У нас сестра первая уехала оттуда. Она приехала в Петербург, в Ленинград тогда, там же еще одна сестра папина жила в Петербурге. Они все отворачивались от нас, потому что «кто такие вы тут, враги народа». Ее никто не прописал там, ни временно, никак, и она поехала в Владимир. Почему Владимир? Потому что до этого наши друзья туда уехали. И вот она туда приехала и рассказывает, конечно, это ужасно тоже. Пустила ее эта знакомая, эта наша, на полу спала два года, наверное, на клочочке. В общем, как-то прижились. Потом... Это в 1947 году, что ли, она. Потом другая сестра уехала с семьей, с семьей. В Уфу уехала. Она тоже во Владимир перебралась. Потом, ну, время шло. Третья сестра, папа ее отправил учиться уже в техникум, которая с 1933 года. Она уже к сестрам приехала, во Владимире они уже квартиры имели, она тут техникум кончила. Потом еще одна поехала в Ленинград, в Ленинград, кончила Герцена, пединститут. Там у тетки-то, папиной сестры, сын, два сына, вот один-то погиб в войну, а второй тоже студент, так мы дружили, ездили все время в гости. И сейчас эти дети, следующие поколения, мы дружим. А потом и я выпорхнула оттуда. Папа сказал: «Бери всё, что у нас тут есть». А что у нас там было, господи? Но он мне всё, даже ножницы положил, я помню: «Бери, дочка, ты сюда уже не приедешь». Ну, в смысле, жить здесь уже не будешь. Какой умный был. А там же нет... От прииска нашего до станции железнодорожной 40 километров ехать, он меня туда отвез, оформил багаж мне. Я пять суток ехала, пять суток. Две пересадки. Семнадцать лет, господи, по тем-то временам, как я не боялась? Ну, не страшно было, а сейчас это было бы страшно. [Нрзб] какая-то. Я приехала в Владимир к сестрам, они меня намыли, начистили. Папа мне перед этим купил два куса ткани. Тогда ткань стала — штапель — появляться. Он мне два куса ткани купил. Они мне платье сшили, и я бегом поехала документы в Иваново подавать. Подала документы. Они говорят: «Вот буд[ут] с такого числа занятия, то есть экзамены, вот приезжайте». И поехала опять во Владимир к экзаменам готовиться, они сидели шили, а я в туалете гудела там, учила, зубрила. Поступила, я поступила. Со мной еще две девочки, за мной прикатили. Дочки, дочки таких богатеньких. Они там мальчиков нашли себе сразу же и, конечно, не поступили. Одна тут же уехала, вторая еще задержалась, год поработала там на фабрике, потом поехала и дорогой замуж вышла, так далеко до нас было ехать».

00:33:07

А какие у вас самые яркие детские воспоминания?

Самые яркие детские...

00:33:15

Вот что из детства вам так запомнилось?

Ну что запомнилось, что я мышей всегда ловила и за девчонками бегала, за сестренками, с мышей с этой, с мышкой. За хвост возьму и бегаю за ними, не боялась, а они визжали. Старше меня, визжали. Вы знаете, всё равно, даже мамы не было, но когда много, детей-то много, это всё сглаживается, понимаете, сглаживается. В школу я любила [ходить]. В школе всегда общественницей была, даже в школу ходила уроки делать, делать мне нечего было, дома никто не гнал.

00:33:56

А кто вам маму заменял?

Папа. Папа не женился. Средняя сестренка из нашей [семьи], как бы второе поколение, трое они, средняя была у нас за старшую, средняя. Самая старшая, она такая немножко комолая. Иногда не сразу, нерешительная. А эта вот учительница, она выучилась на педагога в Герцена, она у нас была за старшую. Она помогала, с папой они пироги пекли, с папой картошку чистили. У нас жили бабушки. Помню, одна бабушка жила, старенькая такая, кашляла, кашляла всё. Мы садились вечером, намывали ведро картошки и чистили. Она нам сказки, басенки рассказывала, а мы слушали. У нас огород был, папа сажал картошки, сорок мешков картошки накапывал. Капуста. Грибов там очень много, папа любил грибы собирать, белые, грузди, мохнатые, до чего вкусные, хорошие! А орехов там сколько! Нас выручила природа местная: орехи, грибы, ягоды, брусники очень много, брусники прямо чуть... Там поселок, вышел — и лес. Что тут, господа. Деревня есть деревня. Но она никогда деревней [не называлась]. Я даже не знала, что такое деревня. Прииск. Прииск есть прииск. Я считаю, что прииск — это такое более перспективное место жительства по сравнению с деревней. У нас был центральный прииск, школа десятилетка была, к нам приезжали из соседних сел, соседние не прииск даже, рудниками они называются. Рудник. Рудник один, какой-то Уркан еще был даже. Приезжали, дети пешком приходили, и у нас даже дома жили некоторые. Учились. Такое вот соединение, дружба народов. Всё нормально было.

00:36:20

Там добывали руду?

На рудниках, да, да.

00:36:23

А кто работал там?

Кто работал? Все люди работали. Обычные работали.

00:36:30

Не ссыльные?

Ссыльные работали, тоже работали, да. Они на многих работах. Ссыльные там тоже были, они под конвоем были все. Мы их боялись, мы их бамовцами называли, бамовцами. Они были бамовцы. И когда стали строить эту дорогу, я говорю, господа, дорогу БАМом назвали, а эти бамовцы — бандюги, да, бандюги. А вот наши, мы-то выселенные, и пропадали люди тоже, вторично пропадали уже. Папа приходит и говорит: «Анну забрали». Анну, ну про какую-то он рассказывал. И она не вернулась, и неизвестно где, потому что, видимо, была какая-то задача, стояла, надо было еще кого-то уничтожить. А там же шахты кругом, шахты, руда в шахтах, только золотом открытым способом [добывали], а руда в шахтах, обычные шахты. А чего — толкнул, да и всё, и нет человека. Погибали, уходили в неизвестность люди очень многие. Страшно было жить, страшно. Папа всё время боялся, он, уже умирая, признался: «Дочка, я всё время беспокоился: что придут и скажут: “Давай вещмешок”. И всё». А семья? А пожить еще? Он так мало пожил, 62 года только. Всё время боялся, знал, что может это быть, может это случиться с каждым. Но еще, я говорю, много от местных «князей» зависит. Как это много зависит! Вот если они пьяницы, идиоты, они душу дьяволу за бутылку продадут. Это и сейчас есть всё это, Ира, и сейчас. И вот эти репрессии и сейчас есть. Так вот мне сестра еще пишет, что когда они уже поселились в этом, «Бушуйке» вот этой в Сибири, так, говорит, надсмотрщики были из числа этих высланных. И они били всех палками, по рукам палкой.

Никому не разрешали разговаривать с родственниками. Эти же.

00:38:43

Свои же своих?

Свои же своих, конечно. Они за что-то, за что-то. Они охранники. Чего, так просто работали, что ли? Они за что-то работали. Надо добровольно охранять, зачем надо им добровольно? Конечно, среди них тоже хорошие были, я ничего не могу сказать. Вот это вам, наверное, рассказывала, Инга, Инна Анатольевна, она в АЛЖИРе. У них там тоже был начальник очень добрый мужик, он многим помогал, очень много помогал. Он марку держал, но сам, по сути, помогал людям. Разные люди-то, разные. Всех интересовало имущество, сущность, что-то взять, продать, пропить, проесть. Они что продавали, платьишки-то? Пропивали. Ни перед кем ведь отчета не было никакого. А у них было, мама потому что сама сшила. Вот она... Жалко, не нашла фотографии, там мы сидим трое, и она с нами, и у нас платьица у всех разные сшитые. Где-то с какими-то пуговичками, понимаете, даже сейчас я [помню], какие-то защепочки сделаны. Фантазия, фантазия, то есть у нее было всё. И я была у родственников, в Петербурге была у родственников, в Антропшино, у них там есть фотографии наших родителей. И там маму тоже я видела, так у нее, она очень хорошо одета была, очень хорошо одета. Красиво одета была, но раньше всё равно одевались хорошо. И вот я о многих писала статьи, и всё так же, всё так же.

00:40:20

Ну это же разбой какой-то получается. Кто-то сверху должен всё равно контролировать это всё?

Никто ничего не контролирует. Дается команда, дается команда. Вот я анализ сделала, среди... У меня есть список моих репрессированных, я посмотрела, прикинула. Всех, кто ходит, ходит, общаемся, потому что многие же не приходят, они уже не могут. Треть из всех репрессированных в наличии — расстреляны отцы. Они работали на заводах, их расстреляли. У трети отцов арестовали на 10 лет сталинских лагерей. И треть высланы, кулаки, кулаки.

00:41:14

А вот раскулачивание, какая была специфика? Мы очень редко, на самом деле, встречаемся с людьми, у кого семья была раскулачена. И нам интересно какие-то все подробности.

Я сейчас покажу вам документы, что там написано, там ничего не написано.

00:41:27

Нет, давайте потом мы документы...

Прямо раскулачены, когда я слово «раскулачены» [говорю], я никогда ведь не видела, не слышала, а когда я документы получила, там написано «раскулачены», я ревела несколько дней, «раскулачены». Маму выслали, папа раскулачен. На маму-то не дали документы, не дали, потому что нечего писать. А на мужика можно написать. Написали на папу, вот эта из прокуратуры Вологодской области пришла ко мне бумага: семья раскулачена. Всё. А дальше не пишут, что такое, в скобках, нет, там не написано, что такое «раскулачены». Мельница у тебя, или три мельницы, или еще что. В деревнях у всех всё было, и мельницы были, и плуги были. Вот один мужик клал печки, он ездил по деревням и клал печки, и ему было тяжело таскать за собой инструменты. Он купил лошадь каким-то образом, ну лошадь, сумел купить лошадь, может быть, последние штаны продал и купил лошадь. Так его за то, что он эту лошадь [купил], его репрессировали, чуть ли не, по-моему, не расстреляли ли. Это как вот называть? То есть, за имущество, за имущество. То есть у тебя есть, откуда это у тебя, откуда? Вот сейчас что-то не спрашивают, откуда, от верблюда. Стали спрашивать, но когда очень много — спрашивают, а немного — не спрашивают. За имущество, зависть человеческая правит миром, зависть, зависть, я вам говорю, мне очень многие завидуют черной завистью, черной завистью.

00:43:13

Почему?

Человек неудачливый по жизни. Мне даже муж завидовал. Я со своим мужем очень тяжело жила, он мне всё время завидовал. Потом признал, что да, завидовал, потому что я на много способна. Если я с пяти лет стала жить самостоятельно, можно сказать, папа же всё время работал, а мы были сами себе предоставлены. Единственное, он как воспитывал, папа: «Вот видите, что натворил вот тот человек в поселке? Чтоб так не делать». Всё, для нас это был

закон. Мы никогда его папкой не назвали, папа. Я один раз назвала папкой, мне брат чуть задницу не напорол. «Я, — говорит, — еще услышу что-то такое!..» Даже сын, сын как отца уважал. Вот как папу мы любили. Папу я [нрзб]. У меня вот дочь, сестра то есть, которая во Владимире, педагог, у нее есть фотография папы, когда он служил в царской армии, такой вот лейтенантик или кто, вот она его повесила и молится на него, как на икону: «Папа, помоги». «Всё время, — говорит, — сижу, смотрю и прошу помощи, и обращаюсь к нему. И как будто он мне помогает». А я и так думаю... Мне одно время, знаете, перед тем как реабилитировали нас, у меня такое было предчувствие, что что-то папа с мамой мне помогут. Вот в чем они мне помогут? И я думаю, что-то вот это мне папа с мамой помогут. Как они мне помогут, вы знаете? И вдруг вот это известие о репрессиях, репрессии и, соответственно, льготы. Я так была удивлена, какое у меня предчувствие. Предчувствие, понимаете? Вот вера в родителя. Папочка замечательный у нас просто человек. Ой, мучитель какой. Не мучитель, мученик.

00:45:14

Мученик, да.

Кулаки, которые много работали и много имели от своего труда. Вот и кулаки. И мы к ним причислены тоже.

00:45:30

А папа потом с вами про это разговаривал, говорил, что несправедливо как-то? Обсуждали?

Никто, никто ничего не обсуждал. Почему я и ничего не знаю, мы не знаем. Папа-то умер, это нас репрессировали после папы уже. Папы-то не было уже. Поэтому единственная сестра, слава богу, она нам тут что-то написала, мы знать ничего не знали. И она осталась, еще живая была, она всё равно боялась всего. Она [говорит]: «Ой, Галя, не надо, это не надо, ой, не надо, ради бога». У нее же сын, сын имеет право тоже на льготы. Она говорит: «Не надо ничего оформлять. Не ходите никуда, не ходите». Вот как боялась, настолько человек был подвергнут этому, и всё, она уже никогда не могла это простить и быть уверенной, что ничего не случится. Всегда боялась, до самого [конца], как только она умерла, он пошел и сразу оформил себе вот это, документ получил. Вот так вот.

00:46:32

А вы боялись в течение жизни, что, может, что-то скажете не то?

Да мы ничего не боялись, мы ничего не боялись. А что нам бояться-то? Мы не знали ничего, слава богу. Однажды я... Просто у нас, кто-то мне сказал, вы же спецы, спецы. Я обрадовалась, говорю: «Папа, мы спецы». Специальные люди, спецы. Мы спецпереселенцы, а я думала, спецы мы... Мне тогда объяснили, что такое спецы. А я радовалась, что нас спецами называют, радовалась, потому что не знала, не понимала. А то, что жили плохо... Ой, мы жили очень плохо, ой, настолько плохо жили, ой, жуткое дело! Я не знаю, как мы выжили только. Столько детей. Но папу, знаете, у нас тогда этот Хрущев был, сначала коров запретил, потом разрешили, потом опять. Ну держали мы корову, держали, папа козу покупал, козу держал, поросенка выращивал, теленка выращивал, бедненький. Потом сам закалывал их. Там же в Сибири-то [мороз]. Тогда было там очень холодно, минус 55 всю зиму. Выпал снег, одевай валенки и не бойся, всё, не промокнет нигде ничего. Минус 55. Сейчас там изменилось. И при минус 55 надо же было одеваться. А как мы ходили, я не знаю. Как выжили, я не знаю. Я как там простудилась, до сих пор у меня и легкие слабые, и нос слабый, и как жива еще, не знаю. То есть...

00:48:14

Вам было четыре года, да, когда мамы не стало?

Пять, пять было уже, пять.

00:48:19

А вы ее же не помните?

Нет, я маленько помню ее, моментом. Моментом помню я, только моментом. А так ничего не помню.

00:48:32

А что запомнилось вам?

Что запомнилось-то? Ну, запомнилось, что когда мы в баню собирались, она два дня в баню собирала нас, в баню, два дня. Надо было чулочки всем, что-то подремонтировать надо было, трусики, маечки, бельишко собрать надо было, а нас трое-то, так она несколько дней собирала нас в баню. Вот это мне запомнилось. Я помню, мы ходили в баню. Вот всё, так ничего не помню. Ну, помню, как она умирала, умирала, тоже помню. Всё время она лежала и говорит: «Меня посадите, мне плохо, положите, мне плохо». Вот эти моменты такие вот. Потом, когда ее похоронили, пришли домой к нам люди, сидели тут, и я, мне чаю. Бокалы раньше были с такими же вот отводами, но бокалом, без ручки, без всего. Бокал. У меня есть бокал. «Налейте бокал» — они налили, я говорю: «Не надо, у меня не мой бокал». — «А где твой бокал? Они все одинаковые». — «А у меня там точка есть, точка. Вот здесь, там точка». Вот с этой точкой мой бокал. Вот такой момент, когда...

00:49:49

А по характеру какой мама была?

Ну, я говорю, что она была добрая. Почему? Потому что она ребятишек с улицы приглашала иногда и угощала. Это мне сестра рассказывала. Напечёт печенье и приглашает. Она всё могла, всё, всё, прям такая старательная была. Уж если представляете, обшить человека, это же думать надо, обшить с ног до головы, чтобы он не ходил разутый, раздетый, и столько детей родить. Она же всех рожала, ни одного не делала, всё рожала и рожала.

00:50:27

Вы думаете, на мамино здоровье переселение повлияло?

А?

00:50:32

На мамино здоровье раскулачивание и переселение повлияло?

Конечно, конечно. Ну, во-первых, двое детей погибло, это же уже отрицательно. Во-первых, она тифом болела, переболела тифом, в этой «Бушуйке». А потом это переезд, переезд, от него-то она сразу, сразу, она не сразу умерла, потихоньку, потихоньку, потихоньку всё, конечно, накапливалось. Я думаю... Она заболела раком, рак у нее был, рак. И очень поздно обнаружили. Рассказывала мне сестра, что она обратилась в больницу, там была гинеколог молоденькая девчонка. Она [говорит]: «Что ты ходишь, что ты ходишь? У тебя ничего нет». И она несколько раз к ней обращалась, и она ее всё время выгоняла.

00:51:18

А как папа переезд перенес?

Папа тоже прожил 62 года только. Тоже он переживал, конечно. Он у меня лысенький папа, тут лысина у него, ну, сморщенный такой, посмотрите, такое.

00:51:43

А вот эти 40 дней, они как ехали? Расскажите еще про это.

Узелочек — и всё, ничего, ничего. Всё же отобрали первый раз, ничего не было, имущества-то. И в это время [на] нее кто-то донес. Ведь я вам говорю, что это не просто ж так, прям приехал — и тут как ванька-встанька пришли эти самые из полиции, из милиции сразу пришли. Кто-то донес. Всё. И ее тут же посадили, две подводы, посадили на одну бабушку, еще у нее была мама и бабушка. Посадили маму и бабушку на одну подводу, а ее с детьми на другую подводу и повезли вот в Череповец на поезд.

00:52:23

А как папа к ним присоединился потом?

А папа, я вам рассказывала, она написала папе, что «мы находимся там-то, там-то и там-то». Наверное, еще писать-то можно было, наверное. И папа отхлопотал ее, он опять отхлопотал, второй раз. Я говорю, что он умнейший человек. Он вернулся с этой Онеги, отхлопотал ее, получил документ на нее и поехал за ней, за семьей поехал. А когда приехал, они его сразу арестовали, всё, и без суда и следствия так же. «А, у тебя семья репрессирована, никаких разговоров». Всё.

00:53:08

И их вместе уже в Сибирь?

Его... Нет. В Сибирь он приехал уже. В Сибирь один ехал. После того, как мама там уже тифом болела, всё, родила уже, и он туда поехал. Приехал, его арестовали и посадили в каталажку, он сколько-то там еще сидел, в каталажке в этой. А потом разбирались долго с ним. Потом разобрались, выпустили его, и он уже не поехал никуда назад, ни семью ему не отдали, ничего.

00:53:40

А что папа рассказывал? Как он добирался из Череповца до Сибири?

Папа ничего не рассказывал. Папа нам ничего никогда вообще не рассказывал. То, что я знаю, это мне сестра рассказала.

00:53:54

Как вы думаете, почему папа не рассказывал?

А никто никому не рассказывал. Там в это время никто никому ничего не рассказывал. Они между собой ни о чем не говорили. Они, может быть, ночью шептались, а так никто нам ничего не рассказывал. Единственное, что он нам рассказывал, что у нас есть братья, есть сестры. Мы даже не знали, что их этапом сюда пригнали, условно что-то знали, что мы высланные, условно, а подробностей — никто ничего не говорил, даже ни слухом не слыхивали мы. И дети старшие ничего не говорили. Ну, двое младших-то, они и не помнят, наверное, ничего, подробностей не усвоили. А старшие две дочери-то, они могли бы что-то рассказать. И, видимо, им строго настрого папа с мамой приказали, потому что там же пропадали люди-то. Так если еще тут вякнешь — и там пропадешь ни за что ни про что. А зачем? Сохраняли все семьи свои, сохраняли. У нас там знакомых, я говорю, одну Анну я запомнила, Анна, она в соседнем поселке была, три километра от нас. И вот он всё рассказывал: «Надо к Анне съездить, проведать Анну». А потом говорит: «Анны-то нет, забрали Анну-то, она так и не вернулась». Всё.

00:55:19

А за что?

Ни за что. Всё ни за что. А тот, кто выжил, угнетали вновь. В моих стихах всё это написано. «Как начиналось это, помнят наши деды, отцы и братья, которых нет давно. Унижены, расстреляны, зарыты, они оттуда шлют свое “прости”. Как это было, помним сами, беды. Как матерей сожрали жернова, а наши судьбы скручены до боли. Да где же правда? Дай ответ скорей. Той правды нет и никогда не будет. Как нет и тех, кто это сотворил. Так почему же стоны раздаются? Так ведь никто их крышкой не покрыл. Где вы, злые вороны? Душегубы лютые, по углам попрятались аль в земле зарытые? Хоть бы раз увидеть мамочку родную, отдала б за это жизнь свою святую». «Полоса России черная протянулась через век. Земли предков разоренные нам запомнятся навек. Тряхонула землю русскую, в пенной злобе затаясь, тройка власти сатанинская, багровея, не стыдясь. Черный шквал врагов народа прокатился в по Руси. Тюрьмы, высылки, расстрелы, всё смешалось на пути. Кровь, земля, могилы братские, злые вороны кружат, вот уж нет земли отцовской, в Магадане стар и млад. Мама, мама дорогая, подожди, не уходи! Злые руки оттащили в черный ворон, увезли. Как безумные бродяги, дети двигались в тайгу, из детдомов убегая с криком “Больше не могу!”. Не сбавляя обороты, власть шальная губит всё, всех туда, на полюс лютый, в ледяное колесо, пятясь задом, надрываясь, на дыбы встает Сибирь, Воркута гудит, шатаясь, волком воет Анадырь. Почему так бессильна мать Россия, мать земля? Ты ж сама детей взрастила и на плаху отдала». «Мир, перевернутый вверх, с кровавым потом и фейерверком человечьих черепов, они в ночи сияют ярким светом, змейей-дорогой Кремль — Москва — Восток. Будьте бдительными, люди, и не дайте ей уснуть, нашей памяти народной, о пострадавших там и тут». «Много лет надежды и сомнений: может, вспомнят, а быть может, нет. Всё же есть какое-то движение и не просто молча смотрят вслед. Мы с годами...» Нет, не так. «И не просто молча смотрят вслед. Но мы живы, хоть нас стало меньше, жива память скрипа жерновов. Никогда на свете не исчезнет след, протоптанный на Север и Ворок. Как громада Воркута, Анадырь, край Колымский, да что перечислять! Только корни этих поселений, как кровь в сосудах просится назад, в отчий край, где жили наши предки, где рожали, сеяли, пряли, где свое богатство... Где свое хозяйство создавали и где был взрыв среди этой тишины. Мы с годами стали все сильнее, научились слушать и прощать, чтобы никогда не повторилось то, что было много лет назад. Чтобы дети, правнуки и внуки помнили о линии судьбы, оставляем им свои мы звуки и воспоминания души». У нас был подшефный детский сад, мы туда ходили, куклы шили всякие, театр показывали на пальцах. Я тогда помню стихотворение первое, только немножко помню. «Утром надо собираться и в детсад скорей бежать, а в детсаде умываться, кушать, бегать и играть». Такое вот четверостишие я запомнила. Когда я училась во втором классе, из района приезжали контролеры, что ли, педагоги, из РОНО приезжали, проверяли, как школа работает. Я

прочитала стихи свои какие-то, ну прочитала и прочитала. А потом у нас в клубе было собрание, и вот эта представитель РОНО рассказывала, как они работу провели у нас, какие у нас успехи, какие недостатки, рассказывала и говорила: «А у вас даже есть поэты». Ну, а я так сижу, есть так есть. «Это вот ее зовут Галя Мазенкова». У меня Мазенкова фамилия. Я так удивилась! И вот я поэтому запомнила, что я со второго класса, может, раньше.

01:01:28

А когда начали про репрессии писать?

Что?

01:01:31

Про репрессии стихи когда начали писать?

Когда реабилитировали нас уже, когда я узнала об этих репрессиях, я же не знала.

01:01:43

Потому что если бы вы писали в юности, то вас бы тоже забрали, наверное, за такие стихи.

Ну может быть, может быть, да, да, да. Я и когда писала, боялась. У меня уже давно написано, «Полоса России черной», это очень давно написано, лет 20 назад. Мы это стихотворение назвали «Гимн репрессированных». Мы как-то собирались в этом... Мы были в центре реабилитации, у нас тут есть центр реабилитации, везде они есть, и нам путевку давали на группу репрессированных. И мы этой группой выступали и пели, и я вот сочинила, и мы эту песню пропели как гимн.

01:02:30

А когда писали, боялись?

Вот это всё я уже не боялась, когда писала, нет. Я лично не боялась. Но вот... У меня же не в первом сборнике, я статью написала, тоже не хотелось. А многие до сих пор не хотят писать статью.

01:02:47

Потому что бояться?

Одна, например, женщина, я говорю: «Чего ты не напишешь? Тебе жить-то остается...» А у нее сын работает в Англии, в Америке работал, теперь и в Англии, педагог. Там при консульстве, что ли, преподает русский язык. И он ездит туда. «Зачем, — говорит, — мне надо? Нет, не надо. Сыну вредить не буду». Может быть, права она, кто знает. Она не пишет никаких статей и нигде ничего не говорит. А я везде всё говорю.

01:03:24

Когда вы пошли в школу, вы были пионером?

Конечно. Я пионером была, и комсомол, была председателем, совета отряда была председатель. Председатель и по пионерии, и по комсомолу была председателем. Чистейший общественник.

01:03:49

А песни про Сталина пели?

Про всех пели. Конечно. Плакали даже, когда он умер. Плакали. У меня папа даже плакал. Папа! Ну как? Сожалел. Я говорю: «Папа, ну как жить-то будем?» А он говорит: «Да ладно, дочка, не переживай, там умов-то много еще». О как нас забаррикадировали, сознание наше. Нас убивают, как там это рассказывали: Сталин ошипал курицу, а она жметя, жметя к сталинскому сапогу. Так и мы, он нас щипал, а мы жались. Мы верили, мы любили его, и плакали, и по стойке смирно стояли, всякое. А когда узнали, что это, от кого всё шло, у меня сейчас вот, я и не то что там что-либо, я даже фотографии его видеть не могу. Уничтожил, свою деревню всю уничтожил. Это как же? Вот это зависть, зависть, что его кто-нибудь подсидит, что никому не надо давать дорогу, никому, «только мне, только мне, есть возможность, значит, буду только я». Вот это всё есть, оно есть. И сейчас это есть. Как хотите понимаете, пишите, не пишите на меня. Я уверена, что сейчас это сплошь и рядом, вот это вот

свободная Россия нам показывает. Всё. Я до сих пор не могу здесь себя почувствовать хозяйкой, своей, что я тут хозяйка, я уже 50 лет прожила, в том числе в этом поселке практически, я колесо сделала по городу, я здесь, потом там, там, там, там и снова вернулась. Но я до сих пор не могу сказать, что я нижегородка, но я нижегородка, по идее-то

01:05:47

А почему?

А потому что здесь другой народ совсем, народ другой. Совсем другой народ. Вот что хотите. С заподлянкой народ.

01:06:01

А где лучше?

В Сибири. Вот с одной женщиной в больнице лежала, она говорит: «Мы ездили на Камчатку, на Камчатку работать, — говорит, — но мы были вынуждены оттуда уехать, потому что у мужа папа плохой, и мы сюда снова вернулись».

01:06:19

А не связано это с тем, что люди в Сибири, они все в основном были спецпереселенцы?

Нет. Нет.

01:06:26

И они немножко другого...

Нет.

01:06:29

Вы можете сказать, что спецпереселенцы были немножко другими людьми, они отличались от тех, кто были там коренными жителями? Как-то их всё равно уже с самого детства, приезжали и немного другого типа человек...

Нет, я не скажу, что они были другими. А если они были паразитами, они ими и остались. Я даже знаю об этом.

01:06:56

А как спецпереселенцы и коренные жители, как они между собой общались? Никогда местные жители не...

Это, знаете, зависит от отношения к людям, от отношения. Вот я всегда сужу по своему отцу. Папа был настолько добрый человек в натуре, не то что там кто-то говорил, что он добрый, а в натуре добрый. Он работал бухгалтером, я часто ходила, там что, небольшой прииск-то, бегала к нему на работу, приходила. Вот так сяду, сижу, что-нибудь рисую. А у них там целая комната большая, папки эти большие с этими делами. Приходит кто-то спросить про свою зарплату или про начисления какие-то к своему расчетчику, а она говорит: «Да я не знаю, иди вон к Мазенкову». И они идут к папе, потому что там тетеньки сидели, а тут дяденька сидит. И он: «Сейчас, сейчас, секундочку». Он никому не отказывал и очень грамотно объяснял, очень грамотно. Я же это видела. Я, может, не понимала сути дела, что там, но отношения-то людей я видела. И он всем старался помочь. Одного осудили, что он деньги, когда они там работали бухгалтерами, а еще этими, как, деньги перевозить, как называют их?

01:08:39

Инкассатор.

Инкассатор. Инкассаторскую работу еще, потому что у нас деньги выдавали не здесь, а центральное, это Тында. Тынду, наверное, знаете. Это наше центральное, так сказать, сердце там наше было. Я в Тынде и паспорт получала. Надо было в Тынду за деньгами ехать. И вот этот дядька, он проштрафился, его посадили в тюрьму. Папу тоже арестовали, папа тоже там шесть месяцев просидел незаконно. Незаконно, как? Когда папа подал на инкассацию, его сразу оправдали. Вот этот его подставил. У того еще там за спиной была сила, и они папу осудили. Шесть месяцев мы остались без мамы, без папы, шесть месяцев он там. И когда папу освободили, он пришел, а того забрали, осудили. И через какое-то время его увозили туда в

Тынду через наш прииск. И прибегает папа днем, летом было, мы с папой уже вдвоем жили, все разъехались, мы жили вдвоем. Он говорит: «Дочка, давай деньги». Я говорю: «Папа, какие деньги?» — «Давай-давай-давай». Я говорю: «Ну, папа...» — «Я сказал, давай». Папа есть папа. [Нрзб] Он говорит: «Там беломестных везут, а он колодный». Я говорю: «Папа, он же тебя подставил, он же тебя осудил». — «Давай-давай, давай-давай». Потому что он прошел через это, понимаешь, прошел, а человек тоже наказан, тоже через это проходит, и он знает, как это тяжело. И он пошел, денег, купил, может, чего, не знаю. В общем, он пошел помогать. Вот такие редкие примеры, которые мне как воспитание преподносил папа. Он не говорил, что вот «знай, что вот так», нет, он даже ни слова не сказал, что «ты запомни, делай». Другой момент, да, он может сказать, что с мальчишками гулять нельзя, то-се, пятое-десятое. Там девочка в пятом классе родила, он сказал нам, вот так делать нельзя. Мы уж понимали, как это получается всё. Мы замуж-то все детственницы выходили, по тем временам это было правильно. И поэтому вот эти примеры такие, всё-всё у меня осталось в памяти, то, что делал папа.

01:11:19

А как папа к Сталину относился?

Ну я вам говорю, что он тоже любил его, уважал, жалел. Когда он умер, он тоже как будто бы плакал. Сказал, что «ничего, не переживай, там есть еще умные головы в правительстве».

01:11:35

Он плакал искренне или боялся?

Нет, он уже ничего не боялся. Нет, бояться он вообще не боялся. Он чувствовал просто, что может случиться что-то. А так, чтобы боялся, показать, что «ой, я боюсь», нет, у него этого никогда не было. Боже упаси, чтобы он слабость свою показал. Никогда, никогда. Единственный момент, потом расскажу вам, как было. Никогда. Тоже, тоже уже... Ну, весь народ ревел, чего говорить.

01:12:10

А были те, кто не ревел?

Ну, я не могу сказать. Я маленькая была. Не то что маленькая еще, так сказать... Про репрессии еще ничего не знала, так что я на это дело внимания не обращала. В школу приходили все, мы стояли, слушали. Там поставили большие коробки, и мы стояли, слушали, всё.

01:12:34

А можете поподробнее рассказать про день смерти Сталина? Где вы его встретили?

Ну, он же не первый день, сказали, что не один же день, сообщали. Несколько дней сообщали. Тревожно, тревожно. Как будто жизнь замерла, как-то всё тихо стало в поселке. Все напряженные были. Все были уверены, что он живой будет, что будет дальше работать. Всё тихо было, спокойно, никаких взрывов, никаких митингов. Какие митинги, по тем временам. И поэтому знать никто не знал, что надо митинги делать. Нет. Все с сожалением, все. Кто-то если и радовался искренне, то он радовался только в подушку. Такие были, наверное, которые в тюрьме-то сидели, в тюрьме-то. Их же сразу многих освободили.

01:13:34

Когда вы узнали о том, что он умер, как вам об этом сообщили?

А как сообщили? У нас там прогрессивный поселок-то был, у нас радио у всех. Там разница шесть часов, нам всё сообщают. Радио у нас. Я его, радио, до сих пор у меня на кухне радио, я его никогда не отключаю. Это моя память, мое детство, моя, так сказать, мой воспитанник, нет, радио... Ну, был такой репродотор. Из гофрированной, толстая гофра какая-то, там птички сзади сидели, оставляли свои следы. Вот такой большой овальный или круглый, может быть. На стене висел и всё время говорил, всё время: «Говорит Москва». Левитан: «Говорит Москва». Ну что вы, нет-нет. По радио узнали, по радио. Все сообщали. И на улицах у нас репродукторы стояли тоже, на улицах включали репродукторы или навешивали. Люди собирались и слушали. Всё это было спокойно, совершенно спокойно. Не было такой радости какой-то шумливой, нет. Может, где-нибудь на Чукотке, где-нибудь там. А это всё-таки Средняя Сибирь, это Забайкалье, нет.

01:15:02

И когда сообщили о его смерти, что было дальше? Как люди себя вели? Как, вы сразу

в школу пошли или что?

Сразу нам в школе сказали, что будет прощание с ним и будет сразу клуб школьный, оборудовали репродукторами, большими какими-то ящиками, я уж не знаю, как они там назывались, ящики, будет прощание, прощальный час или сборище. Ну как у нас Путин собирает свою конференцию. Сбор такого числа во столько часов, будем прощаться со Сталиным. И все туда пошли, в школу, все дети пошли в школу, а взрослые пошли в клуб все. И все стояли, стоя слушали.

01:15:54

А как проходила эта церемония прощания?

Ну только на слух, телевидения же не было. На слух. Там никто не наливал, не было, такого не было, чисто такое...

01:16:14

Там была трансляция с похорон его или что это было?

Да, да, прощальная, да, с похорон была трансляция. Все лавки были убраны и стояли, сколько наберется людей. И в школе стояли, и в клубе. У нас там школа, клуб школьный и клуб поселковый.

01:16:37

А кем для вас был Сталин?

Для меня? Не сказать, что он был папа мне, нет. Вождь, очередной вождь. Ну такой победитель, войну выиграл.

01:17:03

Если бы не Сталин, войну не выиграли бы?

Выиграли бы, выиграли бы. Другой был бы Сталин. С другим бы выиграли.

01:17:13

А может, если бы Сталина не было, то и войны бы не было?

А, вот войны, может быть, не было. Да, может быть. Вот это другой вопрос, да. Я думаю, что может быть. Трудно об этом говорить, это дело историков, тут судить... Надо много материалов изучить, тогда можно что-то сказать. Так я...

01:17:36

А дома у вас портрет Сталина был?

Нет, не висело, висеть не висело, а так мы его видели. В Конституции он был, мы же Конституцию тогда, предмет был Конституция, там Сталин. История — историю тоже Сталин сделал нам, историю тоже Сталин писал. Сталин везде, во всех книжках был Сталин, Сталина мы знали хорошо, видели его лицо и всё такое. Сталин был, портреты висели и в школе, и в клубе, везде висели портреты. Там известный человек был, не хочу сказать, что там за граница была, нет, Сталина знали, Сталиным гордились. За Сталина — ура, ура, вперед, в бой. За Родину, за Сталина.

01:18:37

Он был идиолом каким-то?

А?

01:18:38

Был каким-то идиолом, иконой?

Нет, иконой для меня нет, лично для меня нет. Вообще не верующие мы, у нас же там не было никаких церквей-то, мы некрещеные, вот это младшее поколение-то. Мы некрещеные. Мне сейчас очень трудно быть среди всех нас, все люди крещеные, что-то крестятся, а мы нет. Мама умерла, а папе не до этого было. Папа думал, чтобы мы сыты были да одеты, чтобы не замерзли от этого минус 55 [градусов]. Никто, никаких церквей никогда, и папа никуда даже....

А про маму так скажу. Сестра старшая говорила, что «как же так? Я всю жизнь Богу верила. А с нами так поступили. Вот был бы жив Ленин, этого бы не было». Так говорила мама. А мне кажется, что еще хуже было бы.

01:19:42

Да уж, сейчас непонятно, как...

Сейчас совсем ничего непонятно.

01:19:50

Как изменилось ваше отношение к Сталину?

01:19:52

Мое отношение? Сейчас? Сейчас?

01:19:55

Ну потом, после смерти.

01:19:57

После смерти сразу отношение было... Не изменилось как бы оно. Как было, так и было.

01:20:04

А со временем?

01:20:06

А со временем, я его сейчас даже портрет видеть не могу.

01:20:09

А почему?

Я включаю кино... А потому что знаю, что это из-за него всё произошло.

01:20:15

А какие фильмы вы потом смотрели про Сталина?

Ничего не смотрю. Ничего не смотрю.

01:20:20

А Солженицына, Шаламова читали?

А, ну да, это да.

01:20:24

Как вам их проза? Как вы к их прозе относитесь?

Пока ничего не могу сказать.

01:20:34

А после XX съезда для вас что изменилось?

Это когда Сталина развенчали-то? С политической точки зрения ничего не изменилось. Почему? Потому что надо было семью создавать, семью кормить. Когда Хрущев пришел, да? Когда Хрущев пришел, даже сахара не было. Я покупала мармелад, счищала сахар и делала сладкую воду для ребенка. Такое вот у меня впечатление о Хрущеве. Он всех коров зарезал, Хрущев. Понимаете, вот тут дело такое, что гоняться, не то что гоняться, перестраиваться

очень сложно с этими правителями: один так, другой так. Так нельзя делать, нельзя, надо всегда альтернативу иметь, что-то такое сделал — альтернативу, это тоже, это, тогда народ поймет. А так резко... Разрушили Советский Союз. Я тогда еще говорю: «Да черт с вами, украинцы, идите и пашите сами. Ведь мы кормим вас всю жизнь, кормим». Вот так даже думала я. А теперь они все хотят с нами, условно хотят.

01:22:02

А после смерти Сталина вы не боялись, что будет еще хуже?

Да нет, я ничего не боялась, потому что не до нас было им всем, им надо было...

01:22:17

Историю писать?

Ну да, что-то надо было им другое придумывать сначала, а потом уже действовать на нас. А кого еще? Ведь столько убили, миллионы эти убили-то. Кого еще убивать-то? Убили лучших людей, лучших. Я вот сколько статей, еще раз повторяю, писала, но сил нет никаких. Ну что значит фамилия? А человек, он столько сделал на заводе «Красное Сормово». Инженеры выросли, человек, ой, убить, расстрелять.

01:22:48

А когда доклад Хрущева вы прочитали и узнали про всё это?

Про Сталина-то? Работала я в это время, работала, нам на работе, собирали нас, читали нам. Вообще-то мы были потрясены, конечно, все. Были очень потрясены. Первая реакция — это нейтральная. Нейтральная, непонятно, почему такое может быть и может ли быть такое, такое развенчание. Я считала, что это опасно для того же Хрущева, но ничего, обошлось ведь.

01:23:28

А вы поверили ему, что это Сталин во всем виноват?

Ну я в чем-то поверила, конечно, и не ему, а просто самой жизни, сама жизнь мне подсказала, да. А Хрущеву чего верить? Я давно уж никому не верю. Себе-то тяжело верить, а уж этим всем правителям. Хрущева я никогда не уважала особо, нет. Безграмотный какой-то деревенский мужик, править страной — надо ум иметь хороший, такт иметь хороший, не стучать ботинком по столу, тем более в Америке. Я всегда, всегда, знаете, сравниваю всех со своим отцом. Простой советский человек, культурный, интеллигентный, уважительный, ведь народ кругом, ведь люди кругом. Ну не уважаю я его, Хрущева. Когда его показали, он там на пенсии такой сидит где-то там, отрешенный какой-то, мне не жалко его было, нисколько не жалко. Он мстил ему, мстил за то, что сын там, что-то с сыном у него, что-то, ну, по-моему, расстреляли сына-то.

01:24:49

Многие репрессированные не знали, точнее считали, что Сталин не знал про масштаб репрессий.

Знал, знал, знал. Ну знал. Ира, ну как не знал? Ну как это хозяину в своей стране не знать? Да всё он знал. Если ему приносили огромные списки, а он ухмылялся еще: «А этот есть? А этот есть?» Те, которые его интересовали, нет ли, есть ли тут. Значит, он знал всё, знал. Всё знает хозяин. Я вот знаю, что у меня в семье делается, как же я не знаю? Всё знаю. До мелочей всё знаю, где иголка лежит, где она уколеть тебя может, где чего. И он всё знал. Всё он знал. И неправда, что... Единственное, что могу сказать, что превышали полномочия на местах, «князь», «князьки» местные. То есть вот они... Так они как превышали полномочия? Если им давали план, план, столько-то процентов расстрелять, столько-то в лагеря направить для работы бесплатной и столько-то выселить, то они сверх нормы делали, старались сверх нормы. Вот эти «князьки» местные.

01:26:14

Они выслуживались, боялись за свою шкуру.

Да. Они выслуживались. Именно вот это сверх нормы, они сами подталкивали Сталина к этому делу. Сами подталкивали. И сейчас такие же есть, и сейчас же на местах всё то же самое. Ну смотрите, строили космодром Восточный, господа, что говорить-то.

01:26:42

А вот это спецпереселение такое массовое, для чего оно делалось, как вы думаете?

Ну это уничтожение людей. Они же знают, что люди от такого переселения помрут, больше половины. Это нервное потрясение. Всё отобрать, ничего нет. Жизнь начинать заново, в другом климате. Это уничтожение. Если разрушили тот строй, который был создан веками, это наши предки создавали. Вот в этом постановлении так хорошо говорится о том, что разрушили-то. Всё там говорится, в постановлении, очень хорошие слова сказаны. Разрушен весь строй, разрушен уклад, разрушены семьи, все отношения разрушены и всё, под основу государства не стало, всё. Кормить нечем. Надо половину уничтожить, чтобы хоть что-то бы, кто-то бы еще живой остался. Это всё вместе складывается.

01:27:54

Ну какая-то цель тоже была, потому что ученых отправляли в лагеря и они там создавали какие-то свои организации, кто-то ехал добывать руду, кто-то строил БАМ. Бесплатная рабочая сила была и бесплатный мозг. В случае со спецпереселенцами, какая цель была? Чтобы они осваивали новые территории в Сибири? Чтобы они эту целину поднимали? Или какая была у власти сверхзадача?

Я за власть, конечно, не могу ответить, что у них была за задача, но сказать, чтобы Сталину не мешали жить, не мешали ему властвовать, чтобы, не дай бог, кто-нибудь его это... Он же боялся, что его подсадят, что его... заговор против него устроят. И вот этих людей, которые более-менее умные, которые более-менее трудолюбивые, они... Вроде они...

01:29:02

Но простые люди в деревне, они даже наверняка и политикой-то не интересовались.

Да, конечно, конечно. Но лучший цвет из этих вот всех деревенских надо уничтожить, уничтожить, чтобы они не мешали ему политику делать. Он же свой аул весь уничтожил, всю свою родню уничтожил. Ну, зачем?

01:29:25

А папа как, был активным каким-то деятелем, когда жил до переселения?

Нет, нет, нет.

01:29:32

Как он к политике относился?

Никак. Я не думаю, почему, потому что... Ну, он был семьянин, понимаете, был семьянин. Он так и остался семьянином. Другой бы бросил такую семью. Куда ему столько поколений? Сдал бы, сдал по детским домам, он имел право, такую семью. Пишет же сестра, что папа никогда дома практически не жил, всё время на заработках. И дома, когда мы росли, он тоже всё время и работал, и подрабатывал, всё, только бы нас вырастить. Вырастить. И я когда поехала поступать, и думаю: не дай бог я провалюсь, не дай бог, это смертельно будет для папы. И когда я ему сообщила, что я поступила, я представляю, как он радовался. Для него я старалась больше, для него. А вот сестра, она первый год не поступила. Она к брату поехала в Пермь, тут они, годик она там проработала, потом поступила в ленинградский-то... И он всегда говорил, когда он лежал уже больной, у сестры во Владимире, у моей сестры, у дочери, там умирал он, и он говорит: «Ой, Галька не пропадет». Это при мне он даже говорил: «Да ну, эта не пропадет у нас». Оценка какая была, надо было оценку держать. Я уже в институте училась, надо учиться, учиться. И меня девчонки-то все только... У нас там два общежития было в Иванове, две коробочки стояло, одно технологический институт, а другое текстильный. А расстояние ближе, чем до соседнего нашего дома, расстояние ближе. Так что девчонки задумали? Они протащили... В подвальном помещении мы жили, в цокольном. С цокольного помещения на самый верхний этаж протащили эту веревку и записочки ездили у них тут. Две девочки со мной поехали. Я говорю: «Стоп. Вы с записочками давайте в другое место». — «А куда я их отправлю? Мы в одной комнате». Я беру книжку, пошла в читальный зал, думаю, не надо мне, мне нужно поступить, а потом эти записочки. Прошло полчаса, смотрю, около меня вьются уже, в читальном зале, прибежали. Так они и не поступили, а вот мальчиками занялись. А мне была задача поступить. Поэтому я и говорю, что папа, он старался, именно семьянин он был, никакой не политик, никакой. Но во всем разбирался. Он читал газеты постоянно, газеты, следил, за всеми назначениями следил. Знал, кто в правительстве главный, кто зам, кто пом, кто... Комментировал всё это. А так политикой... Чтобы с какой-то газетой бегать? Нет, даже в голову не пришло бы.

01:32:48

Но он разделял политику партии или нет?

Нет, он партийным не был. Не был партийным.

01:32:54

Он поддерживал ту линию, которая велась в государстве на тот момент?

Трудно сказать. Я не могу ответить на этот вопрос, потому что тогда об этом и речи не было никакой. Это сейчас мы все политики, а тогда какие мы политики? Вот я пионерка. Он: «Давай в пионерки вступай, чтобы пионером была». Комсомолка тоже чтобы, надо было быть. А партию... Потому что у меня брат, он воевал, о нем тут статья огромная, на фронт с японцами, и он три года... Первый год он писал нам, писал, а потом два года пропал без вести. Война в 1945 году кончилась, в мае — никаких известий от него нет. Никаких, ни да, ни нет, ни плохих, ни хороших. И всё равно папа думал, что он уже погиб. Он погиб. Что делать-то? Раз не везет, так не везет. И была зима, декабрь месяц. А у нас, жили мы в таком котловане, как будто котлован среди холмов, там же сопки, что такое сопки — это небольшие горы. Причем они одна за другой, как у верблюда, одна за другой, одна за другой. И вот эти сопки, и по всему поселку эти сопки, такие возвышенности. Мы внизу. И катались с горки сюда, к дому, откуда-то. И я катаюсь тут на горе, катаюсь, тетенька подходит, говорит: «Ты чего катаешься? Смотри, машина около вашего дома стоит». Стояла грузовая машина. Какой-то дядька, какую-то солому, что-то крутит. [Говорит]: «Смотри, это брат твой приехал». Я и санки бросила. А 5 декабря, это был праздничный день, 5 декабря, День Конституции. Я эти санки бросила — и бегом. Папа дома был, выходной же был, залетаю, а папа брился, а брились раньше острыми бритвами, лезвие такое, открываешь створкой [и бреешься]. А он брился. Я говорю: «Папа, Вова приехал». И порезался. Смотрю, у него тут кровь потекла. Да, а перед этим я подбежала к дому-то, зашла за калитку-то и стою. И идет этот дядька, с машины спрыгнул и идет. Высокий такой. Подходит. Я говорю: «Дяденька, а вы чей?» Брат, три года не видела. Пять лет было, ушел, а тут восемь. Он говорит: «Да я брат твой, Вовка». Я как сиганула к папе-то. Папа аж прям... И заходит этот Володя, под потолок, а папа, конечно, пониже. И он как вот... Руки вот так на плечи положил ему и прям повис, прям повис и зарыдал, зарыдал. Я его никогда таким не видела, никогда, чтобы плакал, рыдал, если выпил и рыдал, нет. Никогда. А вот рыдал, рыдал. Да кровь-то эта еще.

01:36:33

А война уже закончилась, да?

Ну так 1945-й, декабрь 1945-го, он приехал-то. И до сих пор не знаю, почему он не писал, потому что война с Японией — это особенная война. Она была оборонительная. Может быть, нельзя было писать, черт его знает, не знаю. Так он уже умер, брат, теперь спросить не у кого.

01:36:53

А помните день, когда объявили о победе?

Конечно, конечно.

01:36:57

А расскажите про него.

Бегали все по улице.

01:37:00

Где вы были тогда?

Ну, был солнечный день, я помню, солнечный, и бежала по улице почтальонка и махала газетами. И кричала чего-то. Мы все выскочили из домов. Она говорит: «Победа, победа, победа!» И бежала по всему. У нас поселок не то что вот такой маленький, он такой длинный, ну как Нижний Новгород, тоже, как кишка, такой длинный, трасса идет, а вдоль трассы... И всё это надо было ей обежать. Видимо, радио не работали или как, я не знаю. Она узнала первая, может быть. Кричала: «Победа, победа!» Мы все повыскакивали, радовались, радовались победе. А вот что брата не было, конечно, горевали мы. А этот мужчина, который его вез на этом грузовике... Там до нас от железной дороги, Чита, Благовещенск, Байкал потом, станция Большой Невер. Это к нам ветка идет, уже автотрасса. И брат ходил, говорит, ну кто довезти? Надо на чем-то ехать. Подошел к этому водителю и говорит: «Куда едешь?» Он говорит: «Я в Алдан», а он через нас, в Алдан туда далеко ехать, на север. «Ну до Алдана, я, — говорит, — могу только до Алдана за деньги, до Алдана деньги». «Ну ладно, я, — говорит, — до Алдана тебе заплачу. Мне домой надо, я с войны еду». И он, договорились, всё. А он чего наверху стоял, у него там чемодан с японскими подарками, нам привез подарки. И вот этот мужчина

остался у нас ночевать, и он всё это видел, всю эту картину-то. И на другой день, когда Владислав с ним расплачивался, он так рукой помахал и ничего, и промолчал. Ничего не взял. Вот такие победители.

01:39:16

А брат и отец считали, что победа состоялась благодаря Сталину?

Не могу сказать, нет, это опять политика, нет. Не могу сказать.

01:39:28

А в газетах писали такое?

Писали, конечно, писали. Тогда Сталина хвалили. Причем все его, к тому времени его всё-таки благословили все. Конечно. Насколько я помню, в школе никаких разговоров о том, что плохой Сталин. Вы что, да разве можно? Нет, нет. До самой смерти вообще, по-моему, никаких... Да что вы, господа. Упекли бы, упекли. Особенно нас. Нет, нет, нет. Нет. Было всё хорошо до тех пор, пока его не развенчали, а когда развенчали, стали все думать, так или не так, и сопоставлять всё. Да. Может, кто-то и раньше догадывался, но а что делать? Что делать? Переселили — и ладно, хоть живые остались. Двое погибло у нас, детей двое, это, конечно, жалко.

01:40:36

А в День Победы славили Сталина?

Не знаю, я не помню. Нет, я не помню, это не помню. Думаю, что да, а помнить не помню.

01:40:51

А в школе какие-то парады делались?

Нет, у нас там парадов-то... Парадов-то особо никогда не было, никаких парадов, митингов, нет. Нет, такого вот, как сейчас бывает: ой, гол забили — и они там, победа... Или мост пустили, шарики, фонарики, нет.

01:41:13

А по радио что говорили? Благодаря чему выиграли войну?

Тоже не могу сказать. Не помню, таких заключений я не помню. В школе говорили, да. В школе говорили про Сталина хорошо.

01:41:33

А что говорили про Сталина и победу?

Вот что говорили, не помню. Но то, что плохого не говорили, это я точно помню.

01:41:43

Почему пик репрессий и война, они как-то рядом шли.

Понравилось, понравилось, я так думаю, что понравилось.

01:41:50

В каком смысле?

Ну, народ рабствует, безропствует, соглашается. Если бы выступали против, что-то, я думаю, что, может, что-то бы изменилось. Но народ пока не имел такого опыта. Потому что революции как таковой и не было, был же просто переворот мгновенный и всё. А опыта забастовок этих, опыта выступлений массовых не было у нас, и поэтому никто не мог предложить свой опыт. Поэтому и не было.

01:42:31

А ведь невозможно же было никак этого избежать. Или можно было?

Можно было.

01:42:36

А каким образом?

А уехать, и всё. Многие уезжали. Уезжали люди просто. И никто тебя преследовать не будет. Кто тебя, разыскивать, что ли, будет кто-то где-то? Многие уезжали. Вот мама не успела уехать — и всё. Если бы она успела, и всё, и ничего бы не было. А такой семьей-то как поедешь? Если бы она одна была или один ребенок, она бы в охалку-то, и бог с ним с этим домом, и уехала бы к папе. А столько человек? Четверо, двое, шесть человек, сама чуть жива. Это сложно, конечно. Многие-много уезжали, многие, прятались, уезжали. Нет тела — нет дела.

01:43:24

Чем жизнь в деревне, где у родителей был дом, отличалась от жизни на спецпереселении?

Я только могу умозаключение сделать. Там жизнь была лучше.

01:43:38

Там — это где?

Ну где? Жизнь в дореволюционной России. Прямо так и хочется это постановление-то взять. Как там сказано, что это был уклад, многовековой уклад. И вот я же вам рассказывала, что я нашла землячку по своим родителям, и она пишет, что семья была большая, и так трудились, так трудились на земле, дохнуть некогда было. Так трудились. А потом в одной деревне лыка делали, в другом плели из этого лыка, в третьем еще какое-то изделие изготавливали, в четвертом выращивали лен и так далее. А потом всё это... ездили по деревне и всё обменивались. Вот такое было. Это всё то же самое, что и сейчас, только в другом виде, понимаете? В другом виде.

01:44:32

Да.

Но этот уклад весь разрушили. Так чем же он был плох? А тут, на спецпереселении, там ничего не было. Что там было? Там, во-первых, камень. Вот мы разделали огород. Надо было всё равно чем-то питаться. Папа сажал картошку, 40 мешков накапывал и нас этим кормил, по ведру, каждый вечер по ведру начищали картошки на целый день. Огород, земля такая черная, чернозем. Разделали, камни все убрали, всё посадили. А на другой год, весной, опять она вся в камнях. Опять в камнях. Там движение грунта, понимаете? Движение грунта. И опять. Чего хорошего-то в этом? Там никаких колхозов не было тогда, они, может, сейчас есть. Ни колхозов, ни совхозов, там нечего возделывать. Там как жили люди, как выживали, я просто не знаю. Трудно было очень жить и выживать.

01:45:42

А люди должны были ходить куда-то, отмечаться, спецпереселенцы?

Нет, нет, нет. В этом случае нет.

01:45:47

А сколько...

Они сами надзирали и знали, где, сами проверяли, видимо. Видимо, проверяли. Я не помню, что папа ходил, отмечался. Нет. Это когда они жили, под конвоем были, там, наверное, каждый день, может быть, кричали. А это нет. Просто не было документов у них, их никуда не пускали, они никуда не ездили. А в 1947 году они уже могли ехать, даже при жизни Сталина. Паспорта давали. Постепенно, постепенно.

01:46:23

А как долго они жили под конвоем?

До 1947 года.

01:46:28

С какого по какой?

А, это в смысле, полтора года, наверное, где-то. В этом окружении. Где-то полтора года, там статьи есть. В 1929-м они приехали, в 1930-м году им уже разрешили, место дали в

Соловьевске, чтобы там они могли обосноваться, как хотите, сами. Но место давали, место давали уже, разрешали, место, строиться. Вот это, ну, год, наверное, может, полтора. И то там этот вот нарушал все правила, вот который Воронков, там его расстреляли. Вот это местничество. Я вам говорю про местничество. Издевался как хотел, детей отбирал. Здесь родители, через два метра детдом, и нельзя подходить. Конечно, много нарушений было.

01:47:24

А кто это был, Воронков?

А он был начальником этой «Бушуйки», куда их привезли, «Бушуйка», ну, такое местное название. Местное название, где построили вот этих всяких палаток и землянок. Привезли, когда с поезда привезли, всех освободили, то есть всех вывели, это было, можно сказать, пустынное место, и настроены там были ситцевые палатки. А был апрель месяц. Место-то было уже в Сибири. В Сибири это, в Сибири в это время еще очень холодно. Ну, какую-то ночь переночевали, там расселили их, сумели расселить, а потом стали строить землянки. Делали землянки на скорую руку и переселялись в эти землянки. У них тоже было холодно, печки давали туда, но тоже всё равно было холодно. Печка, когда еще снег лежал везде и шел снег, и когда печку топили, то снег на крыше таял и сквозь дыры протекал туда, в эту землянку. Холодно было. Чем кормили? Ну, кормили детей. Нет, это детей потом кормили. Чем придется. Ели, что придется. Шишки собирали, орехи ели, у кого что было, готовили на этой печке. И через какое-то время начался тиф. Когда начался тиф, детей стали у родителей отбирать и поселили в отдельном бараке их под названием детский дом. Детей туда от пяти [лет] возраста и старше забирали. Остальных при родителях оставляли. А дети, как там дети? Их кормили по утрам, давали кусочек рыбы соленой, масло растительное наливали в блюдечко, и кусочек хлеба. От такой пищи всегда очень пить хотелось. Титан был один, а народа было очень много, и выстраивалась большая очередь за водой. Пока титан согреет воду, пока выпьешь кружку, уже надо второй раз вставать очередь — и так без конца. Это было очень сложно, тяжело и утомительно. А как спали: у наших было... Моих было две сестры и брат. Они спали... Постель была с собой у них, и они все вместе спали на этой постели, и однажды утром всех выстроили детей по росту и сказали: теперь кто как стоит, тот так и будет спать. Ночь переспали, а потом снова стали спать как прежде, нехорошо это. Одна постель. Но очень много было там... Ну, мыться негде было, прожаривали постоянно одежду. Всю полностью, раздевали догола детей и всю одежду прожаривали в печах от всяких этих насекомых. А потом кучу сваливали, и они разбирали каждый свое, но порой бывало так, что одежды не доставалось. Представляешь, спали, голые спали, мальчишки и девчонки спали, было. Потом мама заболела цингой, цингой и еще чем-то там она заболела. А, куриной слепотой и цингой заболела. Да, в это время по этапу привезли брата, папиного брата, дядю Васю. Он тут как-то... Очень много было вещей, привезли, которые с собой везли украинцы, там ковры разные, салфетки, одежда была разная большая, зимняя одежда, ковры, и всё это выкладывали, хранились на складе, надо было кому-то охранять. Вот туда дядю Васю отправили на склад работать. И после всего этого папа узнал, где находимся мы, и поехал к нам уже дорогой, выхлопотал маму опять и поехал. Ехал тоже очень долго, и, когда приехал до станции Невер, это железная дорога, от которой идет ветка на Якутию туда, через наш Соловьевск, его в Невере арестовали, посадили в каталажку до выяснения положения. Дядя Вася потом работал на кухне. Не на кухне, на складе. А у мамы родилось уже двое детей, двойня родилась, мальчик и девочка, надо было чем-то кормить. Вот дядя Вася иногда молочко приносил, но это было капля какая-то в море, молока не хватало, и мальчик вскоре умер. А после этого и умерла девочка. Когда мы... Это всё находились мы все под охраной, было всё окружено колючей проволокой, стояли охранники, и когда бабушка пришла сообщить нам, что у мамы двойня — до этого — двойня родилась, то охранники нас ударили по рукам, чем-то тяжелым ударили по рукам. Охранники были из наших же переселенцев. А что рассказать еще про ту жизнь, которая была уже в Соловьевске?

01:53:43

В Соловьевске, написано в книге, что на земле был золотой песок.

Да, но это какой золотой песок, это было месторождение золота, золотые месторождения в этом поселке были. И там работали драги, драги, которые намывали этот песок. Раньше-то драг мало было, занимались этим, люди сами мыли, нанимались старатели, старательские бригады нанимали, старательские бригады, по несколько человек было. Они сами делали лотки, наливали воду, туда насыпали песок сверху, потом водой промывали, но там на лотке был специально устелен материал, который задерживал золотинки. И мыли. Я тоже, тоже мыла с ними ходила, помогала. Я тоже помню, что-то там подсыпала.

01:54:48

Находили вы золото?

А?

01:54:50

Вы находили золото?

Это работала бригада, чего я-то находила? Намывали это золото, потом, когда бригада к определенному времени заканчивала работу, через какое-то время, они вынимали все эти, решетку вынимали, тряпку эту вынимали, в которой должно было скопиться, золотишки. Их еще отдельно промывали, это золото, потом сушили, и оно было черного цвета, я помню, черного цвета были. Черный песок, слегка блестел. Этот песок потом магнитом очищали. Когда поднесешь к нему магнит, сразу магнит обрастает, как борода, этой рудой, рудой металлической, и золотишки сразу появляются, остаются, они не пристаю к магниту, они остаются на месте. Это золото собирается в кучку, взвешиваются, потом это золото сдавали в золотоскупку, ну это потом уже было, но всё равно сдавали в золотоскупку. И такая была золотоскупка, типа конторы, что-ли. И на это золото давали боны. Боны были очень похожи на железнодорожные билеты, такие хрустящие, хрустящие, такие изящные весочки и вот тут две чашечки. И гири, это редко гири ставили, всё-таки пластиночки такие с хвостиком. Это миллиграммы. Взвешивали, узнавали вес, сдавали в золотоскупку, и они выдавали денежный знак в виде нашей обыкновенной бумажной ассигнации, но на ней были нарисованы квадратики и ценность каждого квадратика. То есть они отрезались. Ты, допустим, расходовал столько-то, и тебе отрежут. Это не деньги давали, а дали боны, боны давали, потому что там свой учет был определенный, в золотых делах. И это помогало, в войну помогало нам. Мы, помимо всего прочего, зарплаты, еще как-то выживали благодаря старательским работам. Могли как-то продержаться, прожить еще.

01:57:26

Вы обрадовались, когда узнали, что там можно золото добывать?

Ну, я-то не могла обрадоваться, я-то еще ребенок была. Папа, наверное, взбодрился, думаю, что взбодрился. У него два сына всё-таки было, два брата у меня, они мужики, помогали. Раз разрешали старательские работы, ну это же золотодобыча для государства, всё равно они же не в карман клали. И тебе хорошо, и государству хорошо. А так работают драги. Это большая такая движущаяся машина, типа комбайна какого-то, что ли. Она движется прямо по земле, где песок, черпает этот песок вот так вот и закладывает туда в себя. А когда черпают, там образовывается озеро, и этой водой, еще там добавляют насосом воду. И песок заодно промывается. То есть принцип работы, добывания золота, всё тот же, но драга — это механика. И вот эта драга идет по этому поселку нашему, по прииску, он весь у нас изрытый там, прямо вокруг него, идешь — как котлован. Мы в котловане остаемся. Весь песок. Под ногами песок, можно сказать, под ногами золото. Вот так добывается золото.

01:58:50

А все спецпереселенцы работали или нет на золотодобыче?

На золотодобыче-то? Наверное, кому разрешали, может, кому-то не разрешали. Там бригаду надо было создавать. В основном мужские бригады были. Это мы уж так ходили помогали, так вообще... У меня где-то фотография даже есть, сидят они перекуривают. Брат старший помогал.

01:59:19

А о чем вы мечтали в детстве?

Я мечтала в детстве? Я мечтала быть учительницей, всегда хотела быть, потому что одна сестра учительница, вторая, она потом что-то пошла. Учительница была одна начальных классов. Мне всегда хотелось быть учителем. Однажды пришла к нам цыганка. А я не любила цыган что-то, я забралась на печку, прямо наверх туда на печку забралась, печка кирпичная. И сижу там. Она ходит всё, кто там, кто хозяйничал в доме, я не знаю. Она подошла: «Дай шеснок, дай шеснок». Я думаю, что она какой шеснок-то просит, шеснок? Что это такое шеснок? Там лук висел, а она чеснок просила, шеснок ей. Я думаю, надо же, просит. А они просят, но ничего же взамен не дают. А я сижу на печке. Она говорит: «Чего залезла на печку? Надо же, какая, учительницей будешь». Как сглазила меня, сглазила, «учительницей будешь». И я с тех пор решила: ни за что не буду учительницей, потому что я цыганам не верю. И всё, я не стала учительницей, даже мысль эту выбросила. А вообще цыгане меня боятся, меня боятся цыгане и не подходят ко мне, и мне одна сказала, что у меня зеленые глаза, чертовские глаза. Я думаю, ну и хорошо, что цыгане не подходят. А то подходят, да еще что-то просят, да еще обманывают, да еще наговаривают чего-то. О чем я в детстве мечтала? Вот быть учительницей. И мечта моя не сбылась, я отказалась от этого, но то, что я мечтала обязательно выучиться на

инженера или на кого-то еще повыше, чтобы не жить так бедно, как мы жили. Чтобы не жить так бедно. А так чем... Ну были, у нас основная пища была тоже рыба красная, вот эта красная рыбка, потому что там озеро Байкал рядом, всякие Онежское и прочее. Нет, не Онежское. Приморье рядом, ближе, чем к Москве-то. Потом реки разные, Алдан еще. И была всегда красная икра у нас, мы ложками ее ели иногда. Ну не то что постоянно, но если ели, то ложками. И я всегда думала, что ее надо ложками есть, а когда сюда приехала и увидела, что едят икринками, я говорю: «Чего это?» Понимаете, какие ценности во всех местах разные? И я здесь и рыбы красной не вижу, и икры здесь уже давно не вижу. Ну, конечно, только в праздники. В ноябре мне дочь покупала, и то дочь покупала. А так там ели. Мы выжили за счет рыбы, за счет грибов, за счет орехов, за счет ягод. Только, наверное, за счет этого и выжили. То есть то, что можно еще самим добыть даже. Или что-то продавалось. А там мясо, там с мясом, конечно, канитель. Там никаких стад я никогда не видела. Ну потом корова у нас была, корову пасли. Я сама корову даже доила. Приду со свидания-то, спать хочу, а мне папа кричит: «Дочка, давай, пора коров доить». А я еще и глаз не смыкала. Ну а что в детстве видели? Что в детстве? Да, помнится, там были конфетки такие, всегда кушали мы. Не всегда кушали, а в то время были конфетки без оберток. Вот как чупа-чуп, но он еще в завертке, а то вообще голые, голышки, назывались они голышки. Ну тоже редкость была, конечно, не вот постоянно они были. Ночью встанешь и рыщешь, рыщешь по шкафу: где же это взять, найти конфетку-то? Хотелось, хотелось, а как же, хотелось. Жили... Зима очень суровая была. Начинаются морозы, минус 55 — и всё, одевай валенки, не переживай, что будет какая-то дождливая погода, ничего подобного. Перемещение грунта, вечная мерзлота, она в том и заключается, что, во-первых, камни эти вылезают оттуда каждый год, а потом может подняться грунт, грунт подняться, льдина подняться может, вылезти оттуда, прямо выпрыгнуть и поднять домик может полностью. Ну сетей-то не было там никаких, ни водопровода, ни канализации. Просыпаемся — дом наверху стоит чей-то, да. «Сказка, а не быть, 17 лет я там выросла, в районе вечной мерзлоты, а мать Сибирь меня жалела. Моя ты зимушка, зима, была и есть весьма красива, а ледяные города в своей фантазии стыдливой нам дарят сказку. Сказка дивная моя, я все твои секреты знаю, я слышу под ногами треск, и Млечный Путь меня ласкает. Зимой приходит Новый год, идет с востока на Европу, пока Россию всю пройдет, китайцы выйдут на работу». Что еще? Ну как же, мы... Там родители приехали, ничего своего нет, народ весь чужой, земля чужая, не родная, холода, холод-то какой, холод-то, одевать-то что было? Одевать-то нечего. В чем мы ходили, я даже не знаю. Вот я иду в школу, школа была на горе у нас, вот иду, надо на гору подняться, а ветрище, там внизу ветрище, а уж на горе, там вообще, вот так заматывались, чтобы только глаз было видно, как идти, всё. И я однажды шла, и прям немоготу, дыхание схватывает, я взяла, повернулась, иду вдоль дороги, иду задом, так иду, иду, и вдруг меня кто-то как за шкуру схватит, за шкуру, прямо за спину! А я девчонка маленькая была, я поворачиваюсь, вы знаете, — лошадь. Кто-то на телеге приехал, там столовая недалеко, обычно у столовой останавливались все приезжие. Эта лошадь, она меня схватила, конечно, что же ты, милая, не там идешь. Как я напугалась! Так вот с тех пор я боюсь, хорошо, не прокусила меня, с тех пор боюсь, когда меня со спины кто-нибудь трогает.

02:06:20

Папа жалел о своем доме, о своей деревне, скучал ли он по родным местам?

Насчет этого я не могу сказать, но он, когда я его спрашивала: «Папа, расскажи про твои края, где ты жил», — он мне открывал карту и всё на память рассказывал, где какой город, где чего, Москва, Петербург, где эта область, где эта область, он не глядя, я сижу по карте смотрю, а он мне всё рассказывает, всё рассказывает, что это такая область, это Вологодская, тут Ярославская область, там еще какая-то область, всё, всё, всё, всё хорошо, ориентировался очень хорошо.

02:07:00

А как он вам объяснил, как вы в Сибири очутились, как он рассказал вам про это?

Никак не рассказывал. Я вам еще раз хочу сказать, что об этом никто никогда ничего не рассказывал, никогда, потому что это было опасно, опасно было. Дети есть дети, они в любом месте могут любую фразу бросить — и пожалуйста, тень попадет на родителей. Ничего не говорили, мы даже знать ничего не знали, жили и жили, ну, переехали, переехали, многие ведь ехали на заработки, туда-сюда, и мы на заработки. Вот и всё. Так объясняли все, что мы поехали на заработки.

02:07:46

А в каком году вы узнали про то, что вы спецпереселенцы и что это было раскулачивание? Сколько вам было лет?

Ну это уже в старших классах я училась, мы уже начинали понимать, понимать начинали, но

четко понимали, что говорить об этом нельзя. В старших классах, где-то девятый класс, наверное, вот так примерно, стали уже понимать.

02:08:11

А от кого вы это узнали?

От старших сестер. Опять-таки в семье. Но никогда ни с кем на эту тему не разговаривали мы. А то, что у нас друзья были, которые тоже высланные, папа говорил: «Это наши друзья, с нами приехали. Тоже с нами приехали из наших мест, оттуда». Всё было спокойно. Мы никогда не задумывались над этим, никогда себя не терроризировали этим ничем. А зачем? Это везде, всюду так было. Не только у нас, а в любой семье. Ничего не говорили. Было все табу, табу, табу, было табу на всё, на все разговоры.

02:08:56

А врагом народа никто никого не дразнил среди детей?

Ну, дразнили, видимо, дразнили. Вот мне сказали, что «ты спецпереселенка». Вот мне сказали. Потому что враг народа — это больше расстрелянные, сталинские эти лагеря, вот так, а так, в общем, они пишут все «враг народа», но неправильно они тут пишут, нельзя так обобщать. Никто их не поправляет, надо немножко помягче. Зачем?

02:09:34

А кто вам сказал, что вы спецпереселенка?

А какие-то ребяташки, ребяташки. Как-то играли, он говорит: «Ой, спецпереселенцы». Дети, дети, дети, которые язык за зубами не держат. И вот я пришла и рассказываю: Мы, оказывается, спецы». Спецы, да. Когда... Ну, не надо говорить об этом ничего, спецпереселенцы. А я думаю: спецы — это значит специальность хорошая. Вот так.

02:10:11

Тогда вы поняли, что вы какая-то особенная, из какой-то особенной семьи, после того как вас назвали спецом?

Что я из особенной семьи? А, в смысле, вот этой выселенной-то? Ну, я сейчас не знаю, как я тогда среагировала. Я пришла и рассказывала дома, что это такое, выясняла, и мне всё рассказали, дали понять, что надо «знай, но помалкивай». Вот и всё. Ну, большая девочка была, чего уж тут не помалкивать-то. Папа один был, мамы не было, папу беречь надо было, как же, как же. Ну, сестры у меня, вот эти, которые, выселяли их-то. Вот я говорю, старшая сестра, до самой смерти она: «Не говорите никому ничего, не надо. Дали, дали нам, реабилитировали, слава богу. Сегодня реабилитировали, завтра зареабilitировали. Не надо ничего». Такая вот напуганная всю жизнь была. Тяжело было. А потом ведь многие не могли устроиться на работу, многие не могли в институт поступить. Я не знаю, меня сразу взяли в институт. Я писала, что... Ну, у меня, во-первых, год рождения очень поздний, чего уж тут. Не двадцатый год, а тридцать седьмой, крайний год, чего. Папа бухгалтер, мамы нет. Какие тут компроматы? Никакого нет компромата. А вот брат у меня, который... Он никогда в партию не вступал. Интеллигентнейший, рационализатор, ученых открытий у него много, инженер, кончил политех томский. Он никогда в партию не вступал, потому что «я знаю, что до меня докопаются, докопаются, не хочу, не хочу». Тащили в партию, тащили в партию.

02:12:12

А вас тащили?

И меня тащили в партию. У меня должны были уже, так сказать... Там как в партию-то. Сначала тебя как бы этим... берут на испытания сначала. И товарищ, который у нас... Я в институте училась, работала, а там ведь очень маленький процент инженеров, там в основном рабочих надо. И чтобы попасть туда, это прям дефицитнейшая точка. Но я хорошую подписку сделала, меня там даже из города, из райкома партии приехали, хвалили, хвалили. Наш институт подписку сделал, а я-то добросовестно. Парторг уехал в командировку и оставил другую тетеньку вместо себя. И тетенька подошла, говорит: «Вот будет собрание, и мы вас в кандидаты будем принимать». Я вижу объявление собрания, я думаю: ну ладно. Я рекомендации нашла, кто мне даст, всё-всё-всё. И вдруг она меня не приглашает. Думаю: что это она меня не приглашает-то? А я найти ее не могу, смылась куда-то, извините. И на другой день я подхожу к ней, она появилась. Я говорю: «А вы чего меня вчера на собрании?..» — «А вы знаете, у нас другого приняли, еще он был до вас. Сын начальника». Еврей. Я говорю: «А-а-а». Ну так, думаю, и живите с этим. И меня вот как цыганка отвела, так и тут меня от этой партии

сразу всё отвело. Я не люблю, когда меня обманывают. Я говорю: «Ну и слава богу». И сейчас рада, счастлива, что я столько лет не платила никакие взносы. Я и другую работу нашла себе общественную.

02:14:05

А пионерия, комсомол, вам много дали?

Да, конечно, я такой общественницей была, и всё это, председатель совета дружины была. Помню, как в пионеры меня принимали. У меня было красное-красное, алое платье, малиновое даже. И на это платье надо было еще и галстук красный надеть. А куда деваться-то? Хорошая память, помню. Мы в школе так ждали, когда нам галстуки наденут, часа три бегали по школе, помню-помню, пионеры.

02:14:39

А почему это было так важно для вас?

Почему важно? А мамы-то не было, я жила школой. Я жила школой. Любила учителей, особенно первую, начальной школы. В начальной школе учительница моя была, подруга... У меня, во-первых, сестра работала в школе, в начальных классах. Меня там все любили, она подхваливала, и все меня подхваливали. Я выросла на слове «молодец». До сих пор, как что-нибудь сделала — молодец какая. Ну я еще стараюсь. И я помню, что я в детстве, этим «молодцом» меня прямо как магнит. И сейчас я так и живу с этим «молодцом». Что-нибудь сделаю, мне: «Галина Ивановна, вы прям молодец такая». Я говорю: «Черт возьми, опять я молодец». Бесплатно делаю, молодец. Так выросла на этом слове.

02:15:34

Можете еще рассказать про то, что должен был делать пионер?

Когда?

02:15:43

Когда вы вступали в пионеры.

Что должен был делать пионер? Пионер должен хорошо учиться перво-наперво. Как говорил дедушка Ленин, учиться, учиться и учиться. Поскольку он еще не знает, что надо учиться, то дедушка Ленин наставляет: учиться, учиться. И правильно он наставляет, слава тебе господи, хоть кто-то наставляет. И потом должен помогать взрослым, дома помогать обязательно. Помогать товарищам по учебе. Вот у нас была такая организованная помощь, с помощью, организаторы были учителя. Они так организовали: хороший ученик, к тебе прикрепляются два плохих. Чтобы он учился хорошо, следишь за ним, как он выполняет домашнее задание. Если он плохо выполнил, ты пионер, тебе это позорище будет. А как практически это сделать? Я всё доподлинно это принимала к сердцу, всё. Были там две девочки из одной семьи, одна отставушка, а вторая каждый год переходила из класса в класс. И обе были такие, плохо учились, плоховато. Вот я взяла их, шефство над ними, чтобы они ко мне не приходили, я к ним ходила. Ну, жили мы плохо, угощать нечем, что, думаю, они ко мне придут. Вот как врач на дом выходит, так я ходила. Честно, добросовестно. Приду — они еще не готовы. И я не то что «на, спиши задачу». Я объясняла, я объясняла, как педагог объясняет, я всё объясняла. Я сейчас много жалею, потому что бездельникам, бездельникам надо по заднице розгами бить, чтобы сам думал, а не так заставлять других ребятшек насильно.

02:17:56

А пионер славить власть должен был?

Власть? Нет, нет. Как он должен был власть славить-то, как же?

02:18:06

Было ли это зомбирование молодых людей властью, через пионерия?

Я не знаю, как это делать, я не могу сказать, как это можно. То, что надо любить партию, было такое в уставе. Устава пионеров нет, это у комсомола устав есть. Такой устав, условный, конечно. Но это один раз сказали, когда вступила, и всё, чтобы каждый день... Нет, по-моему, нет. Уважать учителей, вообще быть положительным человеком, не драться, не ругаться, не... И прочее-прочее. Всё положительное. А вот этот опыт я... Однажды одна девчонка у нас не выполнила задание, но это уже не прикрепленная, другая, не выполнила задание по математике. Математичка у нас была строгая, такая жаркая, жаркая, строгая, вот такая вот.

Она приходила, форточку с размаху закрывала, ходила чуть ли не в фуфайке, ну, болела или мерзла, не знаю. «Так, почему не сделала? Почему не решила задачу?» Она говорит: «А я не знаю как». — «А чего вон к Мазенковой не обратилась?» Потому что на математике только я руку поднимала одна из всего класса, никто никогда руку не поднимал, только я их всех выручала, поднимала руку. «Чего к ней не обратилась?» Нет, она сначала всё говорила: «А чего ты ко мне не обратилась?» Потому что мы даже к ней ходили, я не могла решить, и со мной уже все ходили к ней. Придем, она там на огороде копается, мы говорим задачу. Она нам рассказывала, копала и рассказывала. А тут... И она всегда говорит: «Почему ко мне [не обратилась]?» А потом решила меня: «А почему к ней не обратились?» Вот видишь, как хорошо поставлен был вопрос. Вот они обращались, обращались, в результате у меня по математике пятерка, русский пятерка, литература пятерка, история тройка, чуть ли не двойка.

02:20:21

Почему?

Не любила поэтому историю, потому что надо было время тратить, а у меня его не оставалось уже, не оставалось времени. И историю вот так сидела, дрожала, тряслась, думаю: господи, один раз бы выучила и всё поняла бы, что надо. Учить ее, учить, а времени не было. Поэтому я подтягивала все время по истории. Я даже личное дело свое приготовила вам показать, вся школа, год от года, все аттестаты есть.

02:20:53

А занятия по политической информации были у вас в школе?

Еще как!

02:20:58

Расскажите про это.

Ну какие, политическая информация, тут было всё вместе, и политика, промышленность, все, всё, что газеты печатали, всё можно было рассказать. Была очередность какая-то, по-моему. Это в институте очередность была или на работе, уж не помню. В школе было так. По географии, в частности, учительница говорит: «Вот у нас...» Она рассказывала очередной урок и потом говорит: «А вот как развивается здесь событие, как здесь построили, как здесь промышленность, как сельское хозяйство — я попрошу Галю Мазенкову. Вот там в такой-то газете есть статья, ты мне ее проработай и расскажешь». Я, конечно, ее проработала, на урок пришла, она меня вызвала. Я всё рассказала про это, она: «Вот и молодец». Ну вместо себя как бы, хорошо. Ну, пятерку или чего. Она говорит: «Вот! Вот так надо учиться».

02:22:08

А про убийство Кирова что в школе рассказывали вам?

Что-что?

02:22:11

Про убийство Кирова что в школе рассказывали вам?

Что-то не помню, что рассказывали.

02:22:16

А про правителей, про Сталина, что вам рассказывали?

Про Сталина-то мы с вами говорили. Что там мы говорили-то? Сталин не поддавался обсуждению. Сталин есть Сталин. Это наш глава, наш генералиссимус, любимый всеми детьми мира, все мы должны любить его. Ничего прочего. Сталин это Сталин. Касаться особо не надо было, мне кажется, даже, так понятно, что это наш Сталин.

02:22:54

А вам нравились уроки по политинформации?

Никогда не нравились, никогда не нравились. Там же надо было рассказывать, какую ГРЭС, какую ГЭС в Казахстане задумали построить, какой мощности, в каком году, за сколько лет построить они должны, на какой реке. Потом в Узбекистане тоже построить за пятилетку какую-то там ГРЭС тоже, ГЭС или ГРЭС. И всё это надо знать, в каком году, за сколько лет,

сколько стоит, какая мощность. Я сейчас могу всё это рассказать, потому что я с этим проработала уже 44 года, а тогда это даже сложно сказать, что такое мощность, сколько стоит, тоже сложно было запомнить. А у нас 16 республик, разве все запомнишь?

02:23:46

А вот про ваше место, где вы жили, какие там были планы? Какие были цели у руководителей?

У руководителей цели... У нас на прииске на нашем... Это был, я вам говорила, центральный прииск, была школа десятилетка, и была у нас ТЭЦ. Не ТЭЦ, но станция, станция, которая вырабатывала электрическую энергию, своя станция. То есть мы свет получали от своей собственной [станции]. Станция эта работала на дровах. Мы ходили на эту станцию, смотрели, как там загружается, как режутся эти бревна, как пилятся, как очищаются, как сбрасываются, сжигаются, как газ отводится, как там промывается, то есть всю технологию нам показывали. И там, знаете, пилит, вот такая вот стоит станина, и бревно тут подсовываешь, она так вж-ж-жи-ик, вж-ж-жи-ик, что попадет, то [распилит]. Одна тетенька села, и ей там оттяпали заднюю часть. Она там работала. Включена была машина, она села, то есть это опасная штука. Вот станция, наша центральная электростанция, она не только нас снабжала электричеством, но и соседние поселки которые недалеко, два, три, пять километров — это было совсем копейки. Это же часть города, можно сказать.

02:25:19

Каким вам отец запомнился?

А?

02:25:22

Папа каким запомнился вам?

Папа? Папа запомнился мне... Он со мной играл всегда в шашки. В шахматы не пыталась я, а в шашки играли мы с ним с удовольствием. А шашки у нас были самобытные такие, были кубики сделаны, маленькие кубики зеленого цвета и коричневого цвета. Мы с ним играли. И вот он меня обыгрывает и говорит: «Ой, как пахнет, ой, как нехорошо пахнет». Запер меня и говорит: «Ой, всё, кончаем. Пахнет». Так запомнилось! Я всё боялась, что он меня опять запрет, я старалась научиться играть, чтобы... Ну, там другие концовки есть, не обязательно запретить, можно просто проиграть. Вот так он мне запомнился, папа, то есть с доброй стороны. У него был почерк, изумительный почерк, прям каллиграфический, красивый, с завитушками. Письма у меня его сохранились где-то там, письма писал: «Твой папка, твой папка». А меня всё ругал: «Да чего пишешь, на конверте напишешь хорошо, а в письме ну прям ничего не поймешь, чего ты пишешь». Я говорю: «Так я на лекциях сижу, и лекциями испортили весь почерк мой». Вот сейчас немножко наладился почерк, а то было сама не поймешь, что там, столько лекций за пять лет начертать.

02:26:56

Расскажите еще про начальника вот этого поселения. Воронов фамилия?

Воронов. Ну, если что-то придумать, так можно.

02:27:06

Нет, что известно...

Что арестовали, да?

02:27:11

[После монтажа] Были ли в школе дети, у кого родители были репрессированы?

Сколько угодно было, сколько угодно. У нас девочка была Эккель, Эккель. Отец у нее был немец, немец. Немец Поволжья, скорее всего. А эти немцы, они приехали в Поволжье еще при Екатерине Второй. Она сама заселяла Поволжье немцами своими. Вот эти фамилии, они и погубили людей. Эккель, потом Волошин был у нас такой... Ну даже Бляхер был, вот что хотите, вот такая фамилия была. Ну уж что и говорить-то. Так что много, много было девочек, много было достаточно. Но мы с ними не беседовали на тему репрессий, никогда не беседовали. Все условно знали. Все условно знали, кто мы такие. Мы ездили, у нас там рядом еще был, я вам рассказывала, стрелка была рядом, два километра, потом рудник был, я вам говорила, еще был, Уркан назывался. Также такое же поселение, видимо, из-за реки Уркан его

назвали. Туда мы часто ездили с папой, там были наши друзья тоже, тоже репрессированные. Это я сейчас понимаю, потому что разговор за столом был очень тихий, очень тихий, чтобы до детских ушей не долетало ничего. Вот так вот были. Девочку одну брали мы из этой, из Уркана, она у нас жила, училась в нашей школе, школа-то у нас десятилетка была. Много, много было, много.

02:28:48

Учителя были среди спецпереселенцев?

Нет, учителя нет, почему, потому что... Вот моя сестра, допустим, была. Были местные такие. Подождите, сейчас вспомню. Это у нас была сестра моя, кто-то был еще. Были, были, были. Были учителя. А потом в основном они приезжали молодые, они приезжали из Омска, из института, в старших классах когда я училась. Кто их знает, они, может, тоже были, но это уже не нашенькие были.

02:29:32

В чем заключалось ущемление прав спецпереселенцев?

Ну, во-первых, уехать никуда не имел права, выехать никуда, документа не было. Какой год? В 1954, по-моему, дали документ, паспорт. Не 1947-й, а 1954-й. Ну как Сталин умер. Никуда нельзя было выехать, это первое. Никуда выехать нельзя было. Потом в учебные заведения тоже не всех принимали, высшие учебные заведения, в школу-то пожалуйста, высшие учебные заведения. Вот брат у меня почему попал в институт? Потому что он на войне был, и когда он пришел с фронта как участник войны, ему, как участнику войны, была льгота: без экзаменов в институт. Он так пошел, его зачислили, разговору нет, уже не глядя ни на какие остальные эти... И потом... И работу тоже... На хорошую работу не устроишься, больно-то, на хорошую работу. Я так думаю, что...

02:30:46

А было такое у кулаков, у тех людей, кого раскулачили, потом через какое-то время, когда они уже обживались и наживали какое-то новое имущество, что они его скрывали, так скажем, от соседей?

Люди эти больше не наживали ничего. Они старались просто сами выжить, сами выжить, потому что... Кто это будет наживать-то, вы что? Кто будет наживать? А потом на новом месте жить, как у нас... Даже если золото будешь мыть, так ты его съешь. Сходишь в золотоскупку купишь колбасы, съешь. Нет. Я думаю, что нет. Редкие. Это, может, какой-нибудь начальник, если только в начальники пролез. Но я думаю, и то он не рискнет. Зачем рисковать?

02:31:37

Ну, реабилитация как произошла? Во-первых, у нас семейство большое, у нас две сестры обосновались во Владимире, я и брат мой старший обосновались в Нижнем Новгороде, а другой старший брат, младший того, и сестра одна, они так и остались там, в Сибири. В Сибири остались, в отцовском доме. Ну, и квартиры получили, всё. И вот эта сестра, первая сестра, написала, с Дальнего Востока которая, с Сибири. Она нам сообщила, что у них на Дальнем Востоке на этом, в Сибири, началась оттуда реабилитация. Она нам сообщила, что «документы я получила», как она получила, кто ей сказал? Ну, запрос сделала, она тоже грамотная женщина. Она запрос сделала в Вологодскую область, в Вологодскую. И я тоже сделала запрос в Вологодскую область, и мне оттуда прислали документ о реабилитации моего отца.

02:32:38

В каком году это было?

В каком году-то? Ой, я сейчас не помню. У меня в документе есть. 1959-й, что ли. Ну, я уже здесь работала уже.

02:32:52

Когда вы вот этот документ о реабилитации получили, что вы почувствовали?

А вот я вам говорю, что мама с папой, это помните, я вам рассказывала, что было предчувствие, что папа с мамой помогут. У меня какая-то была радость за моих родителей. Родителей же реабилитировали, а уж мы, так сказать... Вначале нас признали просто пострадавшими, потом титул репрессированных нам присвоили, чтобы получить льготы, реабилитированные. Ну вот, документы. Получила льготы сразу. Ну, я ими пользуюсь почему,

потому что там есть... Там всё есть сразу, вплоть до путевки ежегодные у нас, но я не езжу никуда, никуда я не езжу, мне здесь бабушек этих, здесь хватает, нервы трепать-то мне. Вот не люблю, сидят с клёшками, сядут, сидят. А я должна развлекать. А меня кто будет развлекать? Так что вот, получила я. Документы вам покажу, и там всё написано. Какой же год это был...

02:34:05

Вы почувствовали восстановление какой-то справедливости?

Ну, частично, да, как-то так, потому что ведь ее полностью... Ведь след-то остается, что хочешь делай.

02:34:19

А в чем причина трагедии вашей семьи, как вы считаете?

Не надо много работать. Не надо много работать. Не надо много работать. Вот почему меня эта тетка преследует? Тоже как репрессии, да? Зависть, зависть, понимаете, зависть. Не надо себя показывать, свою активность, свои таланты. Таланты тоже это дело такое. Ведь я вот стихи пишу со второго класса, а мне всегда: «Что ты не печатаешь, что ты не печатаешь?» Я пыталась, так мне вот фигуру показывали с трех пальцев постоянно. Когда еще там должна была Союзпечать, туда-сюда, и печатали только тех, которые лижут одним мягкое место, тем печатали. А я этого делать не делаю.

02:35:21

Ваш папа когда смог уехать со спецпереселения?

А он не уезжал, можно сказать. Он только что заболел, а так не уезжал.

02:35:29

Он так там и умер?

Нет, дело не в том, что там умер. Он и не собирался никуда уезжать, но он уехал операцию делать. Он делал операцию в Нижнем, и здесь, во Владимире, сестра забрала его, он умер. Так он не уезжал никуда. Потом, когда я уже уехала, один как бы остался, он там с соседкой сошелся. Да, вот доброта-то какая его. Он даже говорил нам: «Справку о моей смерти отправьте этой тете, пусть она пенсию получает». Вот какая доброта-то была у человека.

02:36:11

Вы скучаете по родине?

По кому?

02:36:15

По родине своей.

Да. «БАМ — родина моя, и я горжусь, что родилась на БАМе в 1941-м». Ну это я так, чтобы у меня сложилось. «Пусть далеко меня забросила судьба, я всей душой осталась БАМу верной. Какие зори! С чем бы их сравнить, алеют сопки сочным покрывалом, и солнце по ступенькам их скользит, и ты как будто в сказке небывалой. Далекий БАМ сороковых годов, гигантский труд, проложенный по шпалам, не услышала шума поездов тайга, война большая помешала. Как мать дитя родное бережет, хранила ты запасы золотые, но время жизни движется вперед, и больше нет старательской России. Разбужен эхом вековой простор, с тобой судьбу мы делим снова пополам. Сюда всей родины прикован взор. Звездой зажегся возрожденный юный БАМ, далекий край, суровою зимой, сияньем северным, багульником медовым. Издалека люблюсь я тобой. Для многих вновь ты стал родимым домом».